

Мамбару

переводчик

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

*Под редакцией
доктора филологических наук
профессора Л. С. Бархударова*

Издательство
«Международные отношения»
Москва 1974

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СБОРНИК № 11
ИЗДАЕТСЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ

Редакционная коллегия:

Л. С. Бархударов (отв. ред.), В. Г. Гак,
В. Н. Комиссаров, А. В. Кунин,
В.И. Тархов, Г.Я. Туровер, М.Я. Цвиллинг

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

Редактор *В. П. Торпакова*. Издательский редактор
Н. И. Божанова. Оформление художника *Б. П. Кузнецова*.
Художественный редактор *Р. А. Казаков*. Технический редактор
М. А. Полуян. Корректор *Г. Г. Петропавловская*. Младший редактор *Е. П. Политова*.

А06511. Сдано в набор 24/X 1973 г. Подписано в печать 22/I 1974 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Печ. л. 3,25. Усл. печ. л. 5,46. Уч.-изд. л. 5,72. Тираж 13 000 экз. Цена 34 коп. Издательство «Международные отношения», 103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 24. Изд. № 45—Ф. Зак. № 796. Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Т $\frac{70104 - 019}{003(01) - 74}$ 56 — 74

1. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА

В. Н. Комиссаров
(Москва)

О РАЗДЕЛАХ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Переводческая деятельность осуществляется в виде множества актов перевода, реализуемых различными переводчиками, в разных условиях, по отношению к разнообразным оригиналам, созданным различными авторами, с учетом ориентированности текста перевода на определенный тип Рецептора. Каждый реальный акт перевода имеет индивидуальный характер: в нем присутствует ряд особенностей, которые нельзя обнаружить в иных переводческих актах. Перевод может осуществляться с разной скоростью, результат его может произноситься громким или тихим голосом, записываться пером или печататься на машинке, записываться разными почерками с неодинаковой степенью разборчивости и т. п. Все эти особенности конкретного акта перевода характеризуют индивидуальную манеру поведения отдельного переводчика в данных условиях. Они не имеют прямого отношения к его собственно переводческим действиям, не отражаются на способности создаваемого речевого произведения выступать в качестве перевода, т. е. не влияют на степень его близости к оригиналу. В то же время основу конкретного акта перевода составляют аспекты, свойственные всем подобным актам вообще, влияющие на ход и результат любого переводческого акта, составляющие специфику именно акта перевода в отличие от всех иных актов речи и не зависящие от индивидуальных особенностей речевого поведения отдельного переводчика. В них содержится то общее, что позволяет рассматривать любой акт перевода как частный случай реализации единой системы отношений, потенциально существующих между речевыми произведениями разных языков. Понятно, что описание этой системы и механизма ее реализации составляет основную задачу переводческой науки. Такое описание возможно лишь в результате анализа тех сторон переводческих актов,

в которых отражается сама сущность переводческой деятельности. Отсюда следует, что если объектом переводоведения является «глобальная» переводческая деятельность (совокупность актов перевода), то его **предмет** составляют те **аспекты переводческой деятельности, которые присутствуют в любом акте перевода и определяют характер отношений между оригиналом и переводом**, т. е. способность последнего выступать в качестве полноправной замены первого.

С определением предмета переводоведения непосредственно связано и выделение основных направлений переводческих исследований или, иначе говоря, основных разделов науки о переводе. В переводческой литературе не существует общепринятой классификации областей переводческих исследований, хотя некоторые авторы предлагают развернутые классификационные схемы.

Так, А. В. Федоров в первом издании работы «Введение в теорию перевода» (М., 1953) намечает следующие разделы теории перевода: 1) **история перевода и переводческой мысли**; 2) **общая теория перевода**, включающая два подраздела: (а) изучение общих задач и условий работы над языком перевода; (б) изучение задач и условий перевода в связи с жанровыми особенностями материала; 3) **частная теория перевода**, изучающая взаимоотношение данных двух языков и служащая основой для общей теории перевода (стр. 15—17). В третьем издании этой книги, которое вышло под названием «Основы общей теории перевода» (М., 1968), приводится несколько иная классификация: 1) *история перевода и переводческой мысли*; 2) *определение общих задач и условий работы над языком перевода*; 3) раздел, которому автор не дает особого названия и который включает два подраздела: (а) рассмотрение задач и условий перевода в связи с жанровыми особенностями материала; (б) выявление общих принципов, по которым передается система выразительных средств индивидуального стиля писателя и *разработка принципов анализа отдельного конкретного перевода*. Специальная теория перевода уже не выделяется в качестве особого раздела теории перевода и не противопоставляется общей теории перевода в этом качестве, но тут же указывается, что обобщения, применяемые к переводу разных видов материала с разных языков, можно называть общей теорией перевода, а исследования перевода с одного конкретного языка на другой и перевода конкретных видов материала можно было бы назвать частной теорией перевода (стр. 27—28). Из этого очевидно следует, что деление на об-

шую и частную теорию дополнительно может проводиться в пределах каждого из названных разделов (кроме, может быть, первого).

Ю. В. Ванников в статье «О едином комплексе переводческих дисциплин» (в сб. «Вопросы теории и техники перевода». М., 1970) различает: 1) **общую теорию перевода**, которая, с одной стороны, должна заниматься построением универсальных моделей, объясняющих принципиальную возможность перевода и выявляющих общие черты различных видов переводческой деятельности, а с другой стороны, выявлять особенности семантических отношений между индивидуальными языками, определяющих реальную возможность перевода с одного данного языка на другой; 2) **частные теории перевода**, целью которых является изучение переводческих отношений между языковыми системами двух конкретных языков; 3) **специальные теории перевода**, занимающиеся особенностями перевода текстов, принадлежащих к разным жанрам и стилям речи; 4) **теорию машинного перевода** и 5) **прикладные аспекты перевода**: вопросы техники перевода, редактura перевода, составление переводческих словарей, обучение переводу и т. п.

✂ Подобные классификации правильно отражают многосторонность переводческой деятельности, но принципы их построения представляются далеко не бесспорными. Так, в первом варианте классификации А. В. Федорова второй и третий разделы («общая» и «частная» теории перевода) отличаются друг от друга, по-видимому, уровнем обобщения, связанным с материалом исследования. Частная теория перевода должна обобщать переводческие отношения между двумя конкретными языками, а общая теория описывать то общее, что выявляется во многих или всех частных теориях и, таким образом, формулировать обобщения, справедливые для отношений между любыми языками. В то же время содержание первого раздела составляет рассмотрение различных мнений, высказывавшихся в прошлом по вопросам, так или иначе связанным с проблематикой второго или третьего раздела. Неясно также, почему в третьем разделе не выделяются такие же подразделы, как во втором. Если общая теория перевода всецело основывается на результатах, полученных в частных теориях, то очевидно, что и «задачи и условия работы над языком перевода», и «жанровые особенности перевода» должны прежде всего изучаться на материале конкретных пар языков. Второй вариант схемы А. В. Федорова основан уже не на различии уровня обоб-

щения в связи с количеством рассматриваемых языков, а, видимо, на принципе учета или неучета жанровых особенностей и особенностей индивидуального стиля. Причем, если во втором разделе речь идет об «определении общих задач и условий работы над языком перевода», то цель исследований третьего раздела определяется как «рассмотрение задач и условий перевода (в связи с жанровыми особенностями материала)». «Работа над языком перевода», по-видимому, относится к сфере ПЯ, а «жанровые особенности материала», очевидно, имеют в виду жанровую принадлежность оригинала. Аналогичные возражения вызывает и классификация Ю. В. Ванникова, в которой разграничение отдельных разделов недостаточно обосновано. Если частная теория перевода занимается отношениями между двумя конкретными языками, а специальная теория изучает особенности перевода текстов, принадлежащих к различным жанрам и стилям, то, по-видимому, в рамках каждой частной теории будет существовать столько специальных теорий, сколько жанров и стилей имеется в данных двух языках. Или, может быть, специальная теория, занимающаяся, скажем, вопросами перевода материалов научно-технического стиля, должна рассматривать эти вопросы относительно любой пары языков и тем самым выходить за пределы частной теории? В любом случае ясно, что «частная теория» и «специальная теория» — это понятия разного порядка. Вызывает сомнение и включение теории машинного перевода в число разделов теоретического переводоведения. Все остальные разделы так или иначе связаны с изучением различных аспектов перевода, который можно было бы назвать «содержательным», поскольку все действия «живого» переводчика ориентированы на содержание оригинала. Переводческая деятельность предполагает сложный умственный процесс по анализу, синтезу и сопоставлению информации, как непосредственно содержащейся в текстах оригинала и перевода, так и связанной с ними всевозможными ассоциациями. Машинный перевод предполагает попытку формализации какой-то части этого процесса, с тем чтобы обеспечить возможность хотя бы приблизительного его воспроизведения с помощью автоматического устройства, способного ориентироваться лишь на форму оригинала. Подобная попытка, связанная с решением целого ряда интересных и важных задач, имеет явно прикладной характер. Ее общетеоретическое обоснование подразумевает решение сложного вопроса, какие виды умственной деятельности и в какой

степени вообще можно формализовать, — вопроса, выходящего за рамки переводоведения.

При классификации разделов переводоведения представляется целесообразным выделить в первую очередь наиболее общие направления переводческих исследований, которые должны соответствовать предмету этой науки и конституирующим его факторам.

Предметом переводоведения являются коммуникативные аспекты переводческой деятельности, т. е. особый вид языковой (точнее — двуязычной) коммуникации. При всем многообразии конкретных форм переводческой деятельности ей всегда присущи следующие особенности:

1) Переводческая деятельность предполагает возможность общения между людьми, владеющими разными языками, путем создания на языке перевода (ПЯ) текста, коммуникативно равноценного тексту на исходном языке (ИЯ).

2) Между исходным текстом (оригиналом) и текстом перевода предполагается возможно максимальная смысловая близость (эквивалентность).

3) Эквивалентность текстов разных языков не существует заранее, а возникает в ходе особого речевого процесса (процесса перевода), при котором оригинал задается, а текст перевода специально создается в качестве полноценной замены оригинала на другом языке.

4) Эквивалентные отношения устанавливаются в процессе перевода не только между текстами в целом, но и между составляющими эти тексты языковыми единицами, что, в конечном счете, означает существование отношений переводческой эквивалентности между **о т д е л ь н ы м и е д и н и ц а м и** ИЯ и ПЯ.

Изучение конституирующих особенностей переводческой деятельности составляет главную задачу теоретического переводоведения. Из этой задачи вытекает и классификация переводческих дисциплин.

Прежде всего необходимо раскрыть сущность переводческой деятельности, теоретически обосновать возможность двуязычной коммуникации. Эта задача решается путем разработки теоретических моделей, описывающих ее в самом общем виде, объясняющих внутренний механизм этой деятельности в целом и дающих теоретическую основу для решения всех остальных переводческих проблем. Подобные теоретические модели представляют собой «общие теории перевода» в наиболее точном смысле этого термина.

Учение о переводческой эквивалентности составляет второй крупный раздел переводоведения. Он объединяет многочисленные исследования, изучающие на основе общей теории перевода сущность и типы эквивалентности при переводе, степень теоретически возможной и фактически достигаемой смысловой близости речевых произведений на разных языках. Для решения этих проблем необходимо предварительное рассмотрение способов передачи различных типов информации в тексте, особенностей использования этих способов каждым языком, соотношения лингвистической и экстралингвистической информации и целого ряда других семантических проблем. Как показывает уже общая характеристика этой группы работ, они имеют дело прежде всего с семантическими проблемами.

Процесс преобразования текста оригинала в текст перевода и факторы, влияющие на него, несомненно занимает центральное место в переводческой деятельности. Значительная часть переводческих исследований посвящена поэтому изучению самих актов перевода, механизма преобразования «оригинал — текст перевода». Здесь исследуются этапы процесса перевода, единицы текста, которыми оперирует переводчик, типы преобразований этих единиц при переводе. Центральное место в этой области исследований занимает изучение различных постоянных и переменных факторов, влияющих на ход и результат переводческого процесса. Такие факторы включают степень структурной и функциональной близости ИЯ и ПЯ, особенности и характер переводимого текста, условия осуществления переводческого процесса — способ порождения оригинала и перевода (в виде отрезков устной или письменной речи), степень соотнесенности процессов порождения оригинала и перевода во времени, существование особой прагматической «сверхзадачи», характер участников переводческого процесса и т. д. К этому разделу переводоведения естественно отнести и все исследования, изучающие воздействие на процесс перевода факта принадлежности оригинала к конкретному жанру или стилю речи, т. е. те исследования, которые Ю. В. Ванников называет «специальными теориями перевода».

Нет никаких оснований полагать, что описание проблем перевода текстов различных жанров не может быть осуществлено в единой системе терминов, поскольку общая схема переводческой деятельности остается в любом случае неизменной.

И, наконец, четвертый основной раздел переводоведения охватывает исследования отношений, устанавливающихся в процессе переводческой деятельности между системами двух языков, выступающими в качестве ИЯ и ПЯ. Этот вид речевой деятельности предоставляет в распоряжение исследователя множество текстов разных языков, связанных попарно отношениями переводческой эквивалентности. Эти отношения создают особую систему единиц в обоих языках, обладающих межъязыковой функциональной общностью. Изучение такой системы соотносительных единиц, являющихся «переводческими соответствиями», т. е. оказывающихся эквивалентными при переводе, представляет несомненный теоретический и практический интерес. Переводческое «приравнивание» единиц и речевых отрезков двух конкретных языков обнаруживает целый ряд особенностей их смысловой структуры и механизма функционирования, которые остаются невыявленными при изучении каждого из этих языков в отдельности. На основании таких исследований оказывается возможным формулировать некоторые обобщения о регулярных способах (закономерностях) перевода отдельных группировок слов или передачи значения определенных форм и структур. Знание подобных закономерностей весьма существенно как для облегчения подготовки квалифицированных переводчиков, так и для повышения уровня их практической деятельности.

Таким образом, теоретическое переводоведение включает четыре основных раздела: общие теории перевода, теории эквивалентности, теории переводческого процесса и теории переводческих соответствий. В своей совокупности эти области исследования обеспечивают всестороннее описание главных аспектов переводческой деятельности. Разумеется, в пределах каждой области возможна более детальная классификация.

Классифицируя направления переводческих исследований, целесообразно различать работы теоретического и прикладного характера. Задача теоретических исследований заключается во всестороннем описании переводческой деятельности, раскрытии ее внутреннего механизма, определении потенциально возможных и реально существующих отношений между оригиналом и переводом, выявлении основных факторов, влияющих на ход и результат процесса перевода, описании системы переводческих отношений, обнаруживаемых между единицами разных языков. Работы по прикладному переводоведению ставят перед собой задачу

способствовать практическому осуществлению переводческой деятельности путем создания условий для успешного выполнения необходимых действий «живым» переводчиком или переводческой машиной. Между теоретическим и прикладным переводоведением существуют как немаловажные различия, так и непосредственная связь. Теоретическое переводоведение осмысливает и объясняет наблюдаемые факты переводческой деятельности. Для него эта деятельность является исходной реальностью, предшествующей исследованию. Прикладное переводоведение представляет собой попытку воздействовать на переводческую деятельность, в той или иной степени «управлять» всей деятельностью в целом или какими-то ее аспектами. Сюда относятся все проблемы, связанные с обучением переводу, выработкой всевозможных советов и рекомендаций переводчику, деятельностью редактора, использованием и составлением всевозможных справочников и словарей, рациональной организацией переводческого труда, а также и проблема возможности формализации действий переводчика, с тем чтобы передать часть или все его функции автоматическому устройству и т. д. Успешное решение прикладных задач возможно лишь на основе глубоких теоретических исследований, дающих правильное понимание существа переводческой деятельности и определяющих ее факторов.

С. М. Вайнштейн
(Москва)

ЛИТЕРАТУРА КОНКИСТЫ И ПЕРЕВОД

Вряд ли можно назвать другой жанр исторической письменности, который переводился бы с таким удивительным постоянством вот уже на протяжении почти пяти столетий так обильно и на такое большое число языков, как литература конкисты¹. Вряд ли вообще можно учесть все переводы и переводные переложения того бесчисленного множества хроник, эпистол, повестей-реляций, морально-политических трактатов, официальных документов и прочих литературных

¹ Термин *конкиста* (от исп. conquista — *завоевание*) применяется в советской и зарубежной научно-исторической литературе для обозначения предпринятой испанцами серии военно-колониальных походов в Новом Свете (с момента его открытия в 1492 г. и до середины XVI в.), которые привели к образованию испанской колониальной империи.

памятников, воссоздающих эпопею открытия и завоевания испанцами Нового света в XVI веке, которые составлены ее участниками и современниками и в совокупности образуют литературу конкисты (далее — ЛК).

Так называемое «Письмо Христофора Колумба Сантанхелю и Санчесу», датированное 15-м февраля 1493 г., — первое сообщение об открытии Нового Света — известно (мы не принимаем, разумеется, в расчет испанские копии и первоиздания) в ряде рукописных переводов на латинский, итальянский и каталанский языки, выполненных, судя по всему, в первые же месяцы по написании письма, т. е. в феврале — апреле 1493 г., и в десятках переводных первоизданий на латинском, немецком, каталанском, французском и итальянском языках (период 1493—1500 гг.)². Латинский перевод его, сделанный арагонцем Леандро Коско с оригинала был напечатан уже в апреле 1493 г. и только в течение 1493 и 1494 гг. публиковался девять раз в Риме, Антверпене, Париже и Базеле, издавался он кроме того и в других местах. В июле 1493 г. теолог Джулиано Дати даже опубликовал во Флоренции в переложении на латынь стихотворную версию «Письма».

Эпистолы Америго Веспуччи, потрясшие воображение европейцев догадкой о том, что колумбовы «Индии» — вовсе не Азия, а новая — четвертая — часть света (любопытно, что в Испании они не воспроизводились³), стали известны по переводам, опубликованным во Франции и Германии в 1504 и последующих годах, и, главным образом, по латинскому переводу, включенному немецким космографом Мартином Вальдземюллером в его книгу «*Cosmographiae Introductio*», которая только в 1507 году, в год своего появления в свет, выдержала шесть изданий (в ней именно и была высказана идея назвать новооткрытый континент по имени Америго Веспуччи Америкой)⁴. «Всеобщая история Индий» одного из многочисленных летописцев конкисты Франсиско Лóпеса де Гóмары, впервые изданная в Сарагосе в 1552 г., публиковалась в течение полувека четыре раза в Антверпене на фламандском языке (все четыре в 1554 г.), в Риме и

² См., например, «Путешествия Христофора Колумба (дневники, письма, документы)». М., 1952, стр. 71—73. Это издание содержит также русский перевод названного «Письма».

³ См. Р. А. Альтамира-Кривеа. История Испании. М., 1951, т. 1, стр. 430.

⁴ F. Morales Padrón. Historia del descubrimiento y conquista de América. 2-a ed. Madrid, 1971, p. 151—153.

дважды в Венеции на итальянском (соответственно в 1556, 1560 и 1576 гг.), пять раз в Париже на французском (в 1569, 1578, 1580, 1584 и 1587 гг.), трижды в Лондоне на английском (1578 и 1596 гг.) и французском (1597 г.) языках, т. е. по меньшей мере 15 раз⁵.

История ЛК знает немало примеров, когда перевод осуществлялся не с испанского языка, а на испанский. «Всеобщая история событий в Новой Испании [Мексика]»⁶ была создана хронистом и знатоком индейских языков Бернардино Саагуном на языке науатль и включала в себя, кроме того, подробное описание событий, сделанное старыми вождями-ацтеками (книга XII), что позволяет увидеть кровавую действительность конкисты не только глазами победителей-конкистадоров, но и глазами поработенных индейцев. Видный писатель, ученый и гуманист Пьетро Мартире д'Ангьера, итальянец по происхождению (в русском языке утвердился латинизированная форма его имени — Петр М^артир), переселившийся в 1488 г. в Испанию и ставший впоследствии первым официальным историографом открытия и колонизации Нового Света (испанское его имя — Педро Мартир, или Мартин, де Англер^ия), писал свои эпистолы и «Декады» по-латински, и переводились они на другие языки даже прежде, чем на испанский. Он, хотя и не посещал «Индий», имел редкую возможность лично общаться с первооткрывателями и изучать в подлиннике необходимые первоисточники (в большинстве своем ныне утраченные), и поэтому снискал себе славу осведомленного и авторитетного автора (кстати, и в области индейских реалий). Именно его сочинения и легли в основу многих географических компиляций.

Одна из них, эпистола «*De Mollucis insulis itemque aliis pluribus mirandis...*» Максимилиана Трансильвана архиепископу зальцбургскому Матвею Лангу, написанная в 1522 г. и вышедшая первым изданием в Кельне на латинском языке в 1523 (в последующие годы она не раз публиковалась в Риме и Венеции), была переведена в 1525 г. на русский язык и явилась первым в древнерусской письменности известием об открытии Нового Света и кругосветном плавании Магеллана. Этот перевод, выполненный, как предполагается, посольским дьяком Дмитрием Герасимовым и озаглавлен-

⁵ J. C e j a d o r y F r a u c a. Historia de la lengua y literatura castellana (Época de Carlos V). Madrid, 1955, p. 218—219.

⁶ Fray Bernardino. S a h a g u n, Historia general de las cosas de la Nueva España. México, 1938, 5 tomos.

ный «О Молукитцких островах и иных многих дивных, их же новейшее плавание кастелланов, рекше испанских, подщанием кротчайшаго самодержьца Карола Пятаго събрано, еже новобрете, Максимилиана Транъсилвана к честнейшему кардыналю салтызвуръенскому епистолиа краснейша чтением»⁷, ввел в древнерусскую речь первые топонимы и исторические реалии, связанные с открытием «незнаемых прежде земель», и новые слова, заимствованные через посредство испанского и латинского из американо-индейских языков, причем почти все они в том или ином виде употребляются в русском языке и в настоящее время. Из топонимов и реалий отметим, хотя бы, «величайший град, *Теноктик* нарицанием, по подобию Венеции в некоем езере создан» (т. е. Теночтитлан, древнюю столицу ацтеков, ныне Мехико⁸), «*Кастеллу*, рекше Испанию», *Цветущу землю* (или Флориду), наименование *Дарионския земля* (Дарьен), уже упомянутые в титуле *Молуккские острова*; из лексических инноваций—*индов* («индов же наричют просто всех жителей незнаемых прежде стран»), *канибалов* («сущих тамо человекаядцев, их же канибалов индеане нарицати обыкоша»), *канэ* (канэ), которое встречается в следующем контексте: «И видетья две канэ индейские, рекши струги, от единого древа състояние имея, якова же суть глаголемаа от нас моноксила, рекше единодревная судна, вмещающе единого или два человеки» (указ. изд., стр. 246)⁹.

⁷ См. публикацию и статью Н. А. Казаковой и Л. Г. Катушкиной. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана (Перевод письма Максимилиана Трансильвана). «Литературные связи древних славян». Научные труды Института русской литературы, т. 23, Л., 1968.

⁸ Авторы публикации ошибочно идентифицируют *Теноктик* как «Теносике, древний город государства Майя на границе современной Мексики и Гватемалы, открытый испанской экспедицией в 1519 г.» (стр. 251, прим. 5) Графема *Tenostic*, описание города (сравнение с Венецией и ссылка на озеро), сопоставление даты его завоевания и даты опубликования эпистолы Максимилиана Трансильвана не оставляют сомнения в том, что речь идет именно о Теночтитлане, тем более, что через область Теносике испанцы проходили впервые лишь в 1524 г., а не в 1519.

⁹ Говоря о том, что вышеназванные слова вошли в русскую речь еще в XVI в., мы, разумеется, не утверждаем, что они функционируют в русском языке с той поры непрерывно. Небезынтересно заметить в этой связи, что по академическому «Словарю современного русского литературного языка» (М.—Л., 1956 г., т. 5, кол. 754 и 757) русск. *канибал* и *канэ* восходят соотв. к франц. *canibale* (из исп.) и англ. *сапое* (от исп. *сапоа челнок*).

Проследить путь, каким пришло в русский язык еще в XVI в. последнее слово — *кано* — тем более интересно, что оно происходит от испанского сапоа — единственного американизма, содержавшегося в упомянутом нами ранее «Письме Колумба Сантанхелю и Санчесу», т. е. в первом сообщении об открытии Нового Света, и зарегистрированного Антонио Небрихой в первом словаре испанского языка в 1493 г. Эта «цепочка заимствования» в обратном порядке может быть документирована так: Перев. Дм. Герасимова, русск. *кано*, 1525 г. < Эпист. Макс. Транс., лат. сапо, 1523 г. < «De orbe novo» П. Мартира, лат. сапо, 1516 г. < «Письмо Колумба», исп. сапоа, 15. 2. 1493 г. < Устн. арауак-карибский (антильск.) источник, сапова, сапаоа, сапахуа и т. д., 1492 г. Все документации здесь, за исключением третьей, очевидны и не требуют доказательств. Что же касается третьей, то необходимо пояснить следующее: 1) Ссылка на Петра Мартира, или в простодушной передаче Дм. Герасимова — Петра Мученика (лат. *martyr* — *мученик*), как на источник информации содержится в самой компиляции Максимилиана Трансильвана. 2) Слово сапо встречается уже в первой — 1516 года — неполной публикации хроники Мартира (см. Petrus Martyr, «De orbe novo decades tres», Alcalá, 1516, p. 319, 333). 3) О том, что это слово восходит именно к Мартиру и к этой публикации¹⁰ также свидетельствует проходящее сквозь компиляцию и перевод (см. выше приведенный нами контекст) позднее греко-латинское слово *топохила* *единодревная*, т. е. сделанная из цельного древесного ствола, — лексический раритет, который употребляет¹¹, по-видимому, один лишь Мартир для объяснения слова сапо; во всяком случае в других хрониках и памятниках ЛК эта вокабула ни в аналогичных контекстах, ни отдельно нам не попадалась.

Проблема заимствований из испанского и американо-индейских языков была для русского языка XVI века, в противоположность западноевропейским, разумеется, не самой актуальной, и если мы здесь ее затронули, то лишь затем, чтобы показать, как далеко в прямом и переносном смысле простиралось влияние ЛК в то время. Уместно в

¹⁰ Ведь, скажем, сведения о плавании Магеллана-Элькано, завершившемся в сентябре 1522 г., к ней восходить не могут; они, вернее всего, заимствованы из некой неопубликованной эпистолы Мартира.

¹¹ См., например, P. Martir de An gl e r í a. Décades del Nuevo Mundo. México, 1964, vol. I, p. 106.

этой связи напомнить, что, к примеру, немецкий, английский и французский языки заимствовали из испанского через ЛК уже в первой половине XVI века десятки и десятки новых слов и понятий¹². В 1494 г. в немецком языке возникло понятие *Neue Welt* — *Новый Свет* (по аналогии с исп. *Nuevo Mundo* и лат. *Novo Orbis, Orbe Novo, Mundus Novus*); в 1497 г. (переводы Колумба) появились слова *Indier, India-per* — *обитатель Индий, индеец*, *Kapu* — *каноз*, *Kannibal* — *каннибал, людоед*; в 1507 г. (публикация Вальдземюллера) — *Amerika*; в 1508—1509 гг. (переводы Веспуччи) — *Kazike* — *касик, вождь*, *Dorade* — *золотой, страна золота*, (*Eldorado* появилось позже — в 1579 г.), *tätowieren* — *татуировать*, *Alligator* — *американский крокодил, аллигатор* и т. д. В те же годы или немного позже французский язык заимствовал слова *canot, caïman, cannibal, casique, pirogue, hamac, Aztequies* и др.; английский — *canoe, cauman, cannibal, cariboo, cazique, hammock, maize, Aztecs, piragua* и др. Сопоставительное комплексное изучение ЛК и ее разноязычных переводов (ведь эти заимствования — своего рода «меченые атомы»), безусловно, даст яркий материал для многих аспектов истории и теории языковых контактов.

Важная отрасль ЛК — переводные и двуязычные «христианские доктрины» и, прежде всего, словари, рукописные и печатные, во множестве, начиная с 1539 г., издававшиеся в Мексике, Перу и других областях «Индий» в переводах на все основные индейские языки — наuatль, сапотек, миштек, отоми, кечуа, аймара и другие с целью христианизации и закабаления местного населения¹³. Они не только одно из самых результативных средств изучения доиспанских цивилизаций и индейских языков, но и — что для нас в данном случае важно — средство изучения испанского языка XVI в., языка и стиля ЛК. Так, например, в 1560 г. был издан монахом Доминго де Санто Томасом словарь кечуа, положивший начало научному исследованию языка кечуа — *рина-сими*, или «общего языка Перу». Словарь состоит из

¹² См. Philip Motley Palmer. *Der Einfluss der Neuen Welt auf den deutschen Wortschatz (1492—1800)*. Heidelberg, 1933; Karl Lokotsch. *Etymologisches Wörterbuch der Amerikanischen (Indianischen) Wörter im Deutschen*. Heidelberg, 1926.

¹³ См. J. García Icazbalceta. *Bibliografía mexicana del siglo XVI. Catálogo razonado de libros impresos en México de 1539 a 1600*. México, 1954.

двух частей испано-кечуанской и кечуа-испанской¹⁴ и весьма полезен для выявления исторических и специфических значений некоторых слов, перевод которых с испанского языка первой половины XVI века на современные языки, в том числе на русский, представляет серьезную трудность.

Несмотря на лингвистическую специфику, эти памятники — яркие нравственно-политические документы эпохи, среди них есть и колонизаторские по духу, и действительно-гуманистические; к этим последним принадлежит и словарь Санто Томаса. Свои взгляды автор выражает при помощи отбора лексики (накапливая слова, отображающие тяжелую долю угнетенных индейцев, и обнажая лицемерие и истинные цели конкистадоров) и, главное, текстуально, в предисловии: «Дело зашло так далеко, — пишет Санто Томас, — что многие обитатели Индий по сей день считают, что христианин-де и грабитель, убийца, изверг и тому подобное — одно и то же, ибо видят, как тот, кто так прозывается, всенепременно кровожаден, вероломен, одной плоти лишь предан и алчен, как предается он, не зная удержу, ни стыда, ни совести, всем наивозможным порокам, и они пребывают в убеждении, будто эти безобразия совершать христианам повелевает, раз они себя его именем нарекли, сам Иисус Христос»¹⁵.

По завершении конкисты цели как испанских, так и переводных изданий историографии ее и документов, естественно, изменились, но интерес к ЛК как историческому и этнографическому первоисточнику не убывал. В длинной череде переводных публикаций XVII—XIX вв., среди которых было немало многотомных (например, 20-томное собрание на французском языке «*Voyages, relations et... par H. Ternaux Compans. Paris, 1837—1841*», издания на английском языке Hakluyt Society, выходящие с 1849 по наши дни и т. д.) выделяются своей особой судьбой сочинения историографа «Индий» Бартоломе де Лас Касаса (1474—1566), замечательного испанского гуманиста и обличителя колониализма, и, в первую очередь, его трактат-памфлет «Кратчайшее сообщение о разрушении Индий», живописующий злодеяния конкисты¹⁶. Став на столетия действенным

¹⁴ Domínguez de S a n t o T o m á s. Lexicon, a Vocabulario de la lengua general del Peru, compuesto por el Maestro F. Domingo de S. Thomás de la orden de S. Domingo... Impresso en Valladolid... 1560. Есть факсимильная перепечатка, выпущенная в Лиме в 1951 г.

¹⁵ Domingo de S a n t o T o m á s, указ. изд., стр. 9 и 10.

¹⁶ Первое испанское издание (Севилья, 1552 г.) имело титул: „Brevissima relacion de la destruycion de las Indias“; доступно изд.

оружием в политической борьбе, это произведение публиковалось в переводах на основные европейские языки множество раз (на испанском оно переиздавалось всего два раза — три в новейшее время). Только в Нидерландах, будучи опубликовано впервые на фламандском языке в 1578 и французском в 1579 г. (этот перевод, выполненный с испанского оригинала Жаком Миггродом, лег в основу ряда последующих французских и др. изданий), «Кратчайшее сообщение» печаталось на этих двух языках в 1597 г. — 2 раза, в 1607, 1609, 1610, 1611 гг., в 1612 г. — 2 раза, в 1620 г. — 5 раз, в 1621 г. — 2 раза, в 1623 г. — 2 раза, в 1627, 1634, 1638, 1640, 1663, 1664, 1670 гг. или 27 раз. В Англии оно было издано впервые в 1583 г. (в переводе на английский с французского перевода, опубликованного в 1579 г. в Антверпене), а затем выходило в 1625, 1656, 1689, 1699 и 1745 гг., т. е. шесть раз¹⁷. Все публикации «Кратчайшего сообщения» появлялись в силу конкретной политической конъюнктуры и носили ярко выраженный пропагандистский антииспанский характер. В Нидерландах они сначала преследовали задачи революционной агитации в освободительной борьбе против испанского владычества, а впоследствии служили целям колониального соперничества и экспансии; которые в английских изданиях выступают на первый план. Даже поверхностные наблюдения показывают, что сравнение этих переводов с испанским оригиналом и между собой при выявлении их целей и экстралингвистических различий, при сравнении их языка и стиля, экспрессивных особенностей, характера добавлений и опущений и т. п. весьма перспективно для истории и теории перевода и, в частности, для решения ключевых проблем, связанных с его прагматическим аспектом.

В наше время, в эпоху распада мировой колониальной системы, конкиста — эта одна из первых страниц эпохи колониальных захватов — привлекает к себе особое внимание науки как буржуазной, пытающейся в основном ее

Bartolomé de Las Casas. Breve relación de la destrucción de las Indias Occidentales. México, 1957. На русском языке два раза публиковались извлечения: см. «Хрестоматия по истории средних веков». М., 1950, т. III, стр. 44—45 и «Наука и жизнь», 1966, № 1, стр. 52—57.

¹⁷ См. статью В. Л. Афанасьева. Литературное наследство Бартоломе де Лас Касаса и некоторые вопросы истории его опубликования в сб.: «Бартоломе де Лас Касас. К истории завоевания Америки». М., 1966, стр. 180—220.

обелить и окрасить в идиллические тона¹⁸, так и советской, подвергшей ее коренной идейной переоценке с марксистских позиций. В Советском Союзе в последние годы были переведены и изданы отдельной книгой материалы о путешествиях Христофора Колумба — его дневники, мемориалы и реляции, соответствующие главы из хроник Бернальдеса и Лас Касаса, инструкции «католических королей» и другие официальные документы (эта книга выдержала четыре издания), «История Индий» Лас Касаса, этнографическая «юкатанская» хроника Диего Ланды, записки Антонио Пигафетты о плавании Магеллана, материалы о первооткрывателе Амазонии Франсиско Орельяне — повествование-реляция его соратника монаха Гаспара Карвахала, официальные документы, главы из знаменитой хроники Гонсало Фернандеса де Овьедо-и-Вальдеса¹⁹, а также ряд других публикаций.

Даже беглый экскурс в историю дает основания, во всяком случае, количественные, считать изучение и обобщение многообразной и многовековой практики перевода ЛК (особенно в связи с расширением этой практики в последнее время) задачей насущной, перспективной и актуальной. Однако приступить к ее разрешению можно, лишь выделив и уточнив необходимые основополагающие понятия.

Совокупное исследование показывает, что ЛК — это единый системный комплекс, который порожден единой социально-исторической потребностью и сопряжен с наиболее характерными социальными, демографическими, экономическими и политическими процессами своей эпохи, четко выстроившийся во временном, территориальном и жанрово-видовом отношениях и развившийся

¹⁸ Наглядный и целеустремленный пример такой идейной трактовки являет собой фундаментальный труд Ф. Моралеса Падрона, упомянутый нами выше.

¹⁹ См. «Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы». (Пер., сост., иссл. и комм. Я. М. Света, ред. и вст. статья И. П. Магидовича), М., 1950, 1952, 1956, 1961; Бартоломе де Лас Касас. История Индий (ред. Д. П. Прицкер и Г. В. Степанов, пер. Д. П. Прицкера и др., ист. иссл. В. Л. Афанасьева, филолог. З. И. Плавскина и Г. В. Степанова). Л., 1968; «Открытие Великой реки Амазонки. Хроники и документы XVI в. о путешествиях Франсиско де Орельяны» (пер., сост., вст. статья, иссл. и комм. С. М. Вайнштейна, ред. Я. М. Свет). М., 1963, а также ряд других изданий, сокращенных переводов и извлечений. В настоящее время в серии «Литературные памятники» АН СССР подготавливается к выходу в свет фундаментальная испано-перуанская хроника Инки Гарсиласо де Ла Вега.

свои собственные, качественно-новые формы выражения — функционально-жанровые и функционально-стилистические. В силу названных, а также и других обстоятельств, ЛК не только отразила в своем языке и стиле передовые тенденции развития испанского национального (и национального литературного) языка (смещение территориальных, профессиональных, социальных диалектов, демократизация, унификация, интенсивные семантические преобразования, заимствование из американо-индейских языков и т. д.), но и оказала даже известное влияние на весь испанский язык в его как американской, так и полуостровной разновидности.

Общность генезиса, функции и содержания, общность и своеобразие канонов и стиля позволяют говорить об историческом функциональном жанре ЛК, во многих своих образцах сублимировавшемся до художественного и типологического осмысления эпохи. На «расцвет прозы в руках историографов Индий» вслед за патриархом испанской филологии Р. Менендесом Пидалем указывают К. Фослер, А. Алонсо, А. Росенблат, П. Энрикес Уренья, А. Рэйес и многие другие. Но, пожалуй, наиболее глубоко раскрывают жанровую сущность ЛК З. И. Плавский и Г. В. Степанов, которые отмечают, прежде всего, присущее этой письменности заинтересованно-личное и образно-эмоциональное восприятие действительности²⁰ (как не вспомнить в этой связи приведенный нами выше отрывок из лингвистического, а отнюдь не политического или художественного сочинения Д. де Санто Томаса!).

Еще более конкретно и во многих отношениях продуктивно, на наш взгляд, понятие исторического функционального стиля ЛК, который сформировался на основе контаминации книжно-ораторской речи, официально-деловой речи и разговорного колониального узуса в результате целенаправленного — частью стихийного, частью сознательного — отбора языковых и стилистических средств в условиях бесчисленного множества стандартных ситуаций и письменных фиксаций и накопил обширный репертуар как специфических речевых средств, так и общеиспанских, ставших таковыми в силу повышенной частотности употребления. В ограниченных пределах данной статьи нет возможности дать сколько-нибудь верное

²⁰ См. статью «История Индий» как памятник испанской литературы и языка» в названной публикации Лас Касаса, стр. 431—448.

представление о многокрасочности, своеобразии и подлинной народности этого стиля; чрезвычайно интересные наблюдения о нем содержатся в упомянутой работе З. И. Плавскина и Г. В. Степанова. Попытка раскрыть лингвистическую конкретность стиля ЛК была предпринята нами в сообщении «Язык и стиль литературы конкисты в свете перевода»²¹.

Объективные условия переводческого процесса обычно ограничивают поле зрения переводчика одним, в данное время переводимым произведением; все свои усилия при этом он, естественно, направляет на выявление и передачу его индивидуальных особенностей. Между тем успешно разрешить эту задачу без глубокого и всестороннего представления о жанре и стиле, из которых выкристаллизовались те или иные индивидуальные особенности, невозможно. С другой стороны, если, скажем, ЛК — единое целое, созданное в едином жанре и на основе единого стиля, если данное произведение ЛК возникло не только в нерасторжимой функциональной, тематической, событийной и причинно-следственной связи с другими ему подобными, но и в нерасторжимой связи жанровой, стилистической и языковой, то не утратит ли оно, это произведение, нечто принципиально существенное, нечто присущее всей ЛК, будучи переведено отдельно, без учета или при недостаточном учете названных связей, тем более спустя столетия? Искажения и потери по этой причине будут, надо полагать, неизбежны: можно общестилистическое выдать за индивидуальное или, наоборот, индивидуальное за общестилистическое, а то и вовсе можно не увидеть в явлении, казалось бы, самом непримечательном явление релевантное в обще- или индивидуально-стилистическом плане. На сложность проблемы отграничения индивидуального, авторского от общестилевого указывалось неоднократно²², однако еще большую сложность она приобретает применительно к историческим стилям, изучение которых, представляющее немалую трудность само по себе, осложняется их принадлежностью к языку отдаленного исторического периода, языку качественно отличному от современного. Так, исследуя этот вопрос на материале творчества Шекспира и английс-

²¹ См. сб.: «Вопросы теории и методики преподавания перевода». Тезисы Всесоюзной конференции. М., 1970, ч. 1, стр. 39—43.

²² См. В. В. Виноградов. О языке художественной литературы, М., 1959, стр. 35—36; В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей, М., 1961; Р. А. Будагов. Литературные языки и языковые стили, М., 1967, стр. 131—196.

кого языка XVI столетия, отмечая его иную стилистическую стратификацию, В. Н. Ярцева видит сложность проблемы также в отличии тогдашнего английского языка от современного и в отличии — не столько по составу, сколько по употреблению языковых единиц и структур²³. Все сказанное в полной мере можно распространить и на испанский язык XVI в. Именно неумение отделить чисто индивидуальные стилистические приемы данного автора от того, что характеризует в целом стиль литературного языка соответствующей эпохи (или функциональную разновидность этого стиля), именно незнание исторического значения языковых единиц и характера их употребления в языке соответствующей эпохи и подводит, как это убедительно показал М. Я. Цвиллинг²⁴ на анализе перевода «Симплициссимуса» Гриммельсгаузена (XVII в.), даже опытных и добросовестных переводчиков. Прийти же им на помощь в этом отношении и должна историческая лингвистика и, прежде всего, историческая стилистика и историческая лексикология.

²³ См. В. Н. Ярцева. Шекспир и историческая стилистика. «Филологические науки», 1964, № 1, стр. 33, 34, 38.

²⁴ См. М. Цвиллинг. Читая «Симплициссимуса» по-русски. «Тетради переводчика», М., № 6, 1969, стр. 106—112.

В. А. Дмитренко
(Москва)

МАКСИМАЛЬНОСТЬ В ПЕРЕВОДЕ

Если сравнить буквальный и вольный переводы в плане отношения их к языкам, участвующим в переводе, то довольно ясно видно, что первый не учитывает принципиальные расхождения между языками на самых различных уровнях и, таким образом, нарушаются нормы языка, на который переводят, а второй, основываясь на общем положении о расхождении языков, почти совсем не учитывает их возможное сходство, встречающиеся совпадения, что приводит к существенным отклонениям от оригинала. В силу своей крайности и неудовлетворительности результатов обе эти точки зрения были осуждены и отвергнуты. Взамен пришла теория адекватного или полноценного перевода, согласно которой «перевести — значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка»¹, добиваясь, особенно если речь идет о художественном тексте, такого уровня перевода, когда перевод оказывает адекватное подлиннику эмоциональное воздействие на читателя. Идея адекватности должна была побудить переводчика решать свои задачи комплексно, искать золотую середину в переводе: стремиться сделать все, чтобы и волки были сыты и овцы целы, т. е. чтобы была передана вся информация подлинника и не были нарушены нормы языка, на который осуществляется перевод. Однако на практике концепция адекватного перевода предоставила переводчику такие большие возможности для проявления своих способностей как самостоятельного творца, что часто в результате получается не перевод, или не совсем перевод, а в значительной мере произведение переводчика. Будучи порой безупречным сам по себе, перевод, осуществленный

¹ А. В. Ф е д о р о в. Основы общей теории перевода. М., 1968, стр. 15.

таким методом, при явно благих намерениях, лишь относительно адекватен подлиннику, в нем столь много отклонений, что собственно переводом его назвать нельзя. Это не что иное, как интерпретация, причем часто произвольная. Здесь совершенно справедливо возникает вопрос: как определить отношение такого перевода к подлиннику? — в том смысле, чье имя нужно ставить на переводе — автора или переводчика. Ведь есть же «Кампанелла» Паганини — Листа.

Почему же практика адекватного перевода не реализовала теорию рационально? Дело в том, что анализ оригинала и техника перевода при адекватном подходе строятся преимущественно на интуитивной основе. Утверждая необходимость «объективных научно обоснованных принципов, которые исключали бы субъективный произвол переводчика и ссылки на «интуицию», как оправдание переводческого произвола»², концепция адекватного (полноценного) перевода не определяет эти принципы конкретно и на практике в конечном итоге обращается к интуиции переводчика, который, по словам М. Лозинского, должен стремиться к тому, чтобы его перевод производил то же впечатление, что и подлинник, чтобы он был ему *эстетически равноценен*³ (знаменитое — «передай дух, а не букву подлинника»). Интуиция же, как известно, очень шаткая основа и, естественно, дает волю субъективизму, приводит к явно неоправданным вольностям. Что же касается идентичности впечатления, то здесь быть объективным чрезвычайно сложно. Измерить или установить точно эту идентичность пока не представляется возможным: у каждого свое впечатление.

Существуют ли пути сознательного ограничения излишнего произвола переводчика письменных текстов? Разумеется, речь идет лишь о таких ограничениях, которые не повредили бы с какой-либо стороны переводу. Есть ли возможности конкретно описать технику перевода, с тем чтобы сам основополагающий принцип объективно исключал некоторые вольности? Ответы на эти вопросы связаны с поисками конкретных методов при анализе оригинала, при нахождении переводческих соответствий, при оценке уже готового перевода. Установление таких методов формализовало и объективизировало бы в какой-то степени процесс перевода, предупреждая возможные неоправданные откло-

² А. В. Ф е д о р о в. Основы общей теории перевода. М., 1968, стр. 22.

³ См. т а м же, стр. 132.

нения. Данная статья является попыткой сделать шаг в этом направлении. Разумеется, здесь не разбираются все стороны процесса перевода, но лишь в самом общем виде предложен возможный принцип подхода к основной переводческой задаче с точки зрения соответствия перевода оригиналу.

Вряд ли вызовет возражения тот факт, что самое устойчивое и, естественно, самое объективное в цепи: текст оригинала — переводчик — текст перевода, есть текст оригинала. К нему и следует обратиться с самым пристальным вниманием и при первоначальном анализе оригинала, как к исходному материалу, и в процессе перевода, как к основному источнику информации, и в конце работы, как к судье для оценки переведенного текста. Что это означает практически? Учесть недостатки прежних концепций и, принимая во внимание как расхождения так и совпадения в языках, участвующих в переводе, выявить их путем семантико-стилистического и художественного анализа подлинника и передать соответствующим образом в переводе: перевести совпадения, интерпретировать расхождения; достичь предела переводимости, учитывая грамматико-стилистические нормы и возможности языка, на который осуществляется перевод. Иными словами, сделать такой перевод, где во всех отклонениях от подлинника «виновен» только язык, с которого переводят, и язык, на который переводят, а не переводчик. Такой перевод будет максимальным. По отношению к подлиннику — это перевод, в котором есть лишь объективные несовпадения (несоответствия), по отношению к языку, на который сделан перевод, — это полное использование его нормативных средств и возможностей, по отношению к желаемой цели — это перевод, стремящийся достичь объективного предела переводимости, т. е. стать единственным вариантом, исключаяющим другие: подлинник — один и перевод должен быть одним. Количество объективных несоответствий будет колебаться, естественно, в зависимости от рода переводимой литературы, а также и от степени близости языков. Соответственно разным будет от текста к тексту и число совпадений. Практически первоначальный перевод путем сопоставительного семантико-стилистического и художественного анализа доводится до предела. Тем самым будет максимально передан оригинал, будут сохранены в пределах объективных возможностей содержание, стиль и образная система подлинника.

Формализуя до определенной степени процесс перевода, концепция максимального перевода не отрицает его творческий характер, но направляет творчество переводчика по объективному пути: по пути тщательного семантико-стилистического и художественного анализа текста оригинала, предлагая выбрать один единственно приемлемый вариант перевода. При этом учитываются не только нормы языка, на который переводят, но и его нормативные возможности. Максимальный перевод не исключает адекватный с его комплексным подходом к решению частных и общих задач, особенно в интерпретационных частях перевода — в передаче объективных несоответствий. Однако в отличие от него, определяя цель перевода в предельно возможной передаче информации оригинала, максимальный перевод предлагает конкретную технику переводческого процесса, чем ограничивает сознательный и бессознательный произвол переводчика.

Несложный сопоставительный количественный анализ обычного адекватного перевода с итальянского на русский — в данном случае был взят перевод рассказа Итало Кальвино «Лес на шоссе» («Il bosco sull'autostrada»), помещенный в сборнике «Кот и полицейский», М., 1964, — дает весьма любопытные результаты. Суть анализа — выявление отклонений от оригинала в переводе, разделение отклонений на объективные (независимые от переводчика) и субъективные (допущенные переводчиком по тем или иным соображениям). Пропуски и добавления типа «вышел за дверь и двинулся по ночным улицам» (*uscì nella notte* — «вышел в ночь» или «канул во тьму») и т. п. считались субъективными, добавления типа «не было даже и намек на какой-нибудь лес» (*di boschi, neanche l'ombra*) и т. п. рассматривались как объективные. В подлиннике 805 словоформ, из них 75 предложений, играющих сугубо грамматическую роль и семантически в переводе не участвующих; итого в тексте 730 переводных единиц. Если считать условно любого рода отклонение за одну единицу отклонения, то в анализируемом переводе на 730 переводных единиц приходится 288 единиц отклонений, что составляет почти 40%. Из 288 отклонений 30 — объективные, т. е. 4%. Остальные 258 — отклонения субъективные, это 36% ко всему тексту. В некотором смысле можно сказать, что перевод сделан на 60%, а 40% приходится на интерпретацию. Другими словами, от автора в чистом виде осталось лишь 60%, остальные 40% — в основном творчество переводчика.

В прилагаемом к данной статье максимальном переводе того же самого рассказа была сделана попытка, не нарушая норм русского языка, передать предельно полно содержание и форму подлинника, избежав 258 отклонений адекватного перевода. Вольности в данном переводе отсутствуют, в нем 30 объективных отклонений, обусловленных несхождением итальянского и русского языков (особенности синтаксиса, функции и сочетаемости слов, стиля, идиоматики), что, несомненно, способствует более точной передаче авторского текста при всех возможных недостатках перевода. Таким образом, перевод сделан на 96% в отличие от 60% адекватного перевода. Однако это не значит, что во всех случаях следует во что бы то ни стало достигать такой большой близости, она может быть значительно меньше. Речь идет не о буквальном и дословном переводе, а о максимальном, суть которого не в том, чтобы данное слово или словосочетание подлинника перевести, исходя из первого или последнего значения слова в словаре, а в том, чтобы, учитывая узкий и широкий контекст, найти единственно возможный вариант перевода. Значение слова определяется функцией, которую оно выполняет в данном контексте. Автор выбрал именно эту языковую единицу, а не другую, и переводчик должен найти единственно приемлемое соответствие, помня, что стиль автора определяется строго отобранными, именно данными средствами, а не другими. В этом должно состоять его творчество и проявление его мастерства. Подбираются такие слова и словосочетания, которые в наибольшей степени передают смысл, несомый словами и словосочетаниями оригинала, и если очевидна возможность полного уподобления оригиналу при соблюдении грамматико-стилистических норм языка, на который переводят, отказываться от нее не стоит. Если такой возможности нет, нужно стремиться к максимально передающей подлинник интерпретации и заботиться прежде всего, не отрицая творческого характера процесса перевода, о его наивысшей объективности.

Il bosco sull' autostrada

Лес на автострате

Il freddo ha mille forme
e mille modi
di muoversi nel mondo;
sul mare corre come
una mandra
di cavalli, sulle campagne
si getta come uno sciame

У холода есть тысяча форм
и тысяча способов
передвигаться по свету:
по морю он бежит, как
табун
лошадей, на деревни
набрасывается, как рой

di locuste, nelle città
come lama di coltello
taglia le vie
e infila le fessure
delle case non riscaldate.
A casa di Marcovaldo
quella sera erano finiti
gli ultimi stecchi,
e la famiglia, tutta
incappottata,
guardava nella stufa
impallidire le braci,
e dalle loro bocche
le nuvolette salire
a ogni respiro.
Non dicevano più niente;
le nuvolette parlavano per
loro: la moglie le cacciava
lunghe lunghe come sospiri,
i figlioli le soffiarono as-
sorti come bolle di sapone,
e Marcovaldo le sbuffava
verso l'alto a scatti come
lampi di genio
che subito svaniscono.

Alla fine Marcovaldo
si decise — Vado per legna;
chissà che non ne trovi—.
Si cacciò quattro o cinque gior-
nali tra la giacca e la camicia,
si nascose sotto il cappotto
una lunga sega dentata,
e così uscì nella notte,
seguito dai lunghi
sguardi speranzosi
dei famigliari,
mandando fruscii cartacei
ad ogni passo e con la sega che
ogni tanto gli spuntava
dal bavero.

Andare per legna in città:
una parola!

Marcovaldo si diresse subito
verso un pezzetto di giardino
pubblico che c'era tra due vie.
Tutto era deserto.

Marcovaldo studiava
le nude piante a una a una
pensando alla famiglia che lo
aspettava battendo i denti...

Il piccolo Michelino,
battendo i denti, leggeva
un libro di fiabe, preso
in prestito alla

bibliotechina della scuola.

саранчи, в городах он,
как лезвие ножа,
режет улицы
и влезает в щели
нетопленных домов.
В доме Марковальдо
в тот вечер кончились
последние хворостины,
и вся семья,
закутавшись в пальто,
смотрела, как в печи
бледнеют угли
и как изо рта у всех
при каждом выдохе
поднимаются облачка.
Они ни о чем больше не говорили;
облачка разговаривали за
них: жена выпускала их
длинными-длинными, как вздохи,
дети выдували их сосре-
дотченно, как мыльные пузыри,
а Марковальдо выдыхал их
вверх рывками, похожими на
проблески гениальности,
которые сразу же исчезают.

Наконец, Марковальдо
решился: «Пойду за дровами,
кто знает, может, и найду».
Он сунул четыре-пять газет
между пиджаком и рубашкой,
спрятал под пальто
длинную зубастую пилу
и так вышел в ночь,
провожаемый долгими,
полными надежды
взглядами домашних,
шурша на каждом шагу
газетами, с пилой, которая
то и дело высывалась
у него из-под воротника.
Идти за дровами в городе:
подумать только!

Марковальдо сразу же направился
к крохотному скверу, находив-
шемуся между двумя улицами.
Все было пустынно.
Марковальдо исследовал
голые деревья одно за другим,
думая о семье, которая
ждала его, стуча зубами...

Маленький Микелино,
стуча зубами, читал
книгу сказок, взятую
в школьной библиотечке.

Il libro parlava d'un bambino figlio di un taglialegna, che usciva con l'accetta, per far legna nel bosco. — Ecco dove bisogna andare, — disse Michelino, — nel bosco! Li si che c'è la legna! — Nato e cresciuto in città, non aveva mai visto un bosco neanche di lontano.

Detto fatto, combinò coi due fratelli: uno prese un'accetta, uno un gancio, uno una corda, salutarono la mamma e andarono in cerca di un bosco.

Camminavano per la città illuminata dai lampioni, e non vedevano che case: di boschi, neanche l'ombra. Incontravano qualche raro passante, ma non osavano chiedergli dov'era un bosco.

Così giunsero dove finivano le case della città e la strada diventava un'autostrada.

Ai lati dell'autostrada, i bambini videro il bosco: una folta vegetazione di strani alberi copriva la vista della pianura.

Avevano i tronchi fini fini, diritti o obliqui; e chiome piatte e estese, dalle più strane forme e dai più strani colori, quando un'auto passando le illuminava coi fanali.

Rami a forma di dentifricio, di faccia, di formaggio, di mano, di rasoio, di bottiglia, di mucca, di pneumatico, costellati da un fogliame di lettere dell'alfabeto.

— Evviva! — disse Michelino, — questo è il bosco!

E i fratelli guardavano incantati la luna spuntare tra quelle strane ombre: — Com'è bello...

Michelino li richiamò subito allo scopo per cui erano venuti lì: la legna.

Книга рассказывала об одном мальчике, сыне дровосека, который уходит с топором в лес, чтобы нарубить дров.

«Вот куда надо идти, — сказал Микелино, — в лес! Там уж точно есть дрова!» Он родился и вырос в городе и никогда не видел леса, даже издали.

Сказано-сделано, он договорился с двумя братьями: один взял топор, другой — кочергу, третий — веревку; ребята попрощались с мамой и пошли на поиски леса.

Они шли по городу, освещенному фонарями, и видели только дома: леса и в помине не было.

Дети встречали редких прохожих, но не осмеливались спросить у них, где лес.

Так они добрались туда, где кончались дома города, и улица становилась автострадой.

По обе стороны автострады ребята увидели лес:

густые заросли странных деревьев закрывали вид на равнину.

Стволы у них были тонкие-тонкие, прямые и искривленные, а кроны — плоские и вытянутые, принимавшие самые странные формы и самые странные цвета, когда какой-нибудь автомобиль, проезжая, освещал их фарами.

Ветви в форме тюбика зубной пасты, лица, сыра, рук, бритвы, бутылки, коровы, автомобильной шины были усеяны листвою из букв алфавита.

«Ура! — сказал Микелино, — это и есть лес!»

А братья смотрели, замороженные, на луну, поднимавшуюся среди странных призраков: «Как красиво...»

Микелино тотчас же напомним им о цели, ради которой они пришли туда: дрова.

Così abbattono
un alberello a forma di fiore
di примула gialla, lo fecero
in pezzi e lo portarono a casa.

Marcovaldo tornava
col suo magro carico
di rami umidi, e trovò
la stufa accesa.

— Dove l'avete preso? —
esclamò indicando i resti
del cartello pubblicitario che,
essendo di legno compensato,
era bruciato molto in fretta.

— Nel bosco! — fecero
i bambini.

— E che bosco?

— Quello dell'autostrada.
Ce n'è pieno!

Visto che era così semplice,
e che si era di nuovo senza
legna, tanto valeva seguire
l'esempio dei bambini.

Marcovaldo tornò a uscire
con la sua sega, e and
sull'autostrada.

L'agente Astolfo della polizia
stradale, era un po' corto di vista
e la notte, correndo in moto
per il suo servizio,
avrebbe avuto bisogno
degli occhiali; ma non lo diceva,
per paura d'averne un danno
nella sua carriera.

Quella sera, viene denunciato
il fatto che sull'autostrada
un branco di monelli stava but-
tando

giù i cartelloni pubblicitari.
L'agente Astolfo parte
d'ispezione.

Ai lati della strada
la selva di strane figure
ammonitrici e gesticolanti
accompagna Astolfo,
che le scruta a una a una,
strabuzzando gli occhi miopi.
Ecco che, al lume
del fanale della moto,
sorprende un monellaccio
arrampicato su un cartello.
Astolfo frena:

— Ehi! che fai lì, tu?

Salta giù subito!

— Quello non si muove
e gli fa la lingua.

Тогда они подрубили
одно деревце в форме цветка
желтой примулы, разломали
его на куски и понесли домой.

Марковальдо возвратился
домой со своей жалкой охапкой
мокрых веток и увидел
зажженную печку.

«Где вы это взяли?» —
воскликнул он, указывая на
остатки рекламного щита,
который был из фанеры
и потому горел очень быстро.

«В лесу!» — ответили
ребята.

«В каком лесу?»

«В том, что на автостраде.
Там их полно!»

Раз это так просто,
а дров снова не было, тем
более стоило последовать
примеру детей.

Марковальдо опять вышел
со своей пилой и отправился
на автостраду.

Агент дорожной полиции
Астольфо был немного близорук,
и по ночам, когда он ездил
на мотоцикле по долгу службы,
ему были бы нужны очки;
но он не говорил об этом
из страха повредить своей карьере.

В тот вечер стало известно,
что на автостраде,
ватага сорванцов ломает

рекламные щиты.
Агент Астольфо едет
на осмотр.

По обеим сторонам дороги
лес странных фигур,
предостерегающих и жестикули-
рующих, сопровождает Астольфо,
который осматривает их одну за
другой, тараща близорукие глаза.

И вот в свете
мотоциклетной фары
он вдруг замечает сорванца,
взобравшегося на щит.

Астольфо тормозит:
«Эй! Что ты там делаешь?
Прыгай сейчас же вниз!»

Тот не двигается
и показывает ему язык.

Astolfo si avvicina
e vede che è la réclame
d'un formaggino, con un bam-
boccione che si lecca le labbra.

— Già, già, — fa Astolfo, e
riparte a gran carriera.

Dopo un po', nell'ombra di
un gran cartellone, illumina
una trista faccia spaventata.

— Alto là!

Non cercate di scappare!

— Ma nessuno scappa:
è un viso umano dolorante
dipinto in mezzo

a un piede tutto calli:
la réclame di un callifugo.

— Oh, scusi, — dice Astolfo,
e corre via.

Il cartellone di una compressa
contro l'emicrania, era una
gigantesca testa d'uomo, con
le mani sugli occhi dal dolore.

Astolfo passa, e
il fanale illumina Marcovaldo
arrampicato in cima,
che con la sua sega cerca
di tagliarsene una fetta.

Abbagliato dalla luce,
Marcovaldo si fa piccolo pic-
colo e resta lì immobile, ag-
grappato a un orecchio del
testone, con la sega che è già
arrivata a mezza fronte.

Astolfo studia bene, dice:

— Ah, sí: compresse Stappal
Un cartellone efficace! Ben
trovato! Quell'uomino
lassú con quella sega signi-
fica l'emicrania che taglia
in due la testa!

L'ho subito capito! —

E se ne riparte soddisfatto.

Tutto è silenzio e gelo.

Marcovaldo dà un sospiro di
solievo, si riasseta
sullo scomodo trespolo
e riprende il suo lavoro.

Nel cielo illuminato dalla luna
si propaga lo smorzato gracchia-
re della sega contro il legno.

Астольфо приближается
и видит, что это реклама
плавленного сыра с карапузом,
который облизывает губы.

«Ну и ну! — вздыхает Ас-
тольфо и мчится дальше.

Немного погодя, в тени
огромного щита, он освещает
печальное испуганное лицо.

«Ни с места!

Не пытайтесь удрать!»

Но никто не удирает:
это страдальческое человече-
ское лицо, нарисованное
на ноге, сплошь покрытой
мозолями, — реклама мозолина.

«О, извините», — говорит
Астольфо и уезжает.

Рекламой примочек
от мигрени была гигантская
голова человека, закрывшего
руками глаза от боли.

Астольфо проезжает и
фара освещает забравшегося
наверх Марковальдо,
который пытается
отрезать пилой кусок щита.

Ослепленный светом, Мар-
ковальдо съезживается
и, ухватившись
за ухо огромной головы, застывает
со своей пилой, которая уже
дошла до середины лба.

Астольфо внимательно
смотрит и говорит:

«Ах, да — примочки Стаппал!
Сильная реклама! Здорово
придумано! Тот человек
наверху с пилой и есть
мигрень, которая
раскалывает голову пополам.
Я это сразу понял».

И, довольный, едет дальше.

Всё — тишина и холод.

Марковальдо облегченно
вздыхает, устраивается на
неудобном месте и снова
берется за свою работу.

В небо, освещенное луной,
несется приглушенное карканье
пилы по дереву.

III. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Я. И. Рецкер
(Москва)

О ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Если принять определение эксперимента в «Словаре иностранных слов»¹, то можно прийти к заключению, что область перевода дает широкие возможности для экспериментирования.

Конечно, определяющим фактором является назначение переводческого эксперимента. Особый характер имеет эксперимент специального назначения, например, проводимый в помощь судебной экспертизе, подобный описанному в моей статье «Плагиа́т или самостоятельный перевод?»². Другое дело эксперимент, преследующий научные цели, — выявление определенных закономерностей, устанавливаемых лингвистической теорией перевода. «Исследуемым явлением» и в том, и в другом случае является перевод, но перевод, рассматриваемый с различных точек зрения.

Если целью эксперимента служит выявление закономерностей, то следует прежде всего точно наметить объект (или объекты) наблюдений и выбрать соответствующий материал. Важно учитывать, что соизмеримость результатов эксперимента в значительной мере зависит от степени однородности состава выполняющих перевод. Для научной ценности результатов эксперимента идеальной можно считать аудиторию примерно одинакового уровня знаний и навыков, т. е. студентов старших курсов вуза.

¹ Эксперимент — это «научно поставленный опыт, наблюдение исследуемого явления в точно учитываемых условиях, позволяющих следить за ходом явления и воссоздавать его при повторении этих условий».

² «Тетради переводчика», № 1, 1963, стр. 42—64.

Эксперимент для выявления способностей к переводу

Такого рода эксперимент может быть успешно проведен среди испытуемых различного образовательного уровня. По крайней мере об этом свидетельствует проведенный в ноябре 1972 года эксперимент, охвативший 43-х студентов 3-го, 4-го и 5-го курсов переводческого факультета МГПИИЯ имени М. Тореза.

Для перевода был дан небольшой отрывок из романа Бэрдики и Уилера "Fail-Safe", состоящий всего из шести строк. Это целостная характеристика американского учебного новой формации, совмещающего в своем лице изобретателя и дельца. Отрывок этот был выбран из-за весьма типичной для современной публицистики на английском языке (особенно для американской) манеры предельно конденсированной характеристики персонажей, поданной в едином предложении с однородными членами, не поддающемуся, как правило, переводу на русский язык без существенных изменений лексического, грамматического и стилистического характера. Определяющим фактором был все же, пожалуй, стилистический. В этом кратком, но вполне самостоятельном отрывке, не требующем знакомства с романом для исчерпывающего понимания, характер персонажа обрисован девятью штрихами, причем все они, за исключением двух, относятся к его профессиональному облику. На первый взгляд, непосвященному в особенности характеристики в английской публицистике и художественной прозе может показаться странным несколько непоследовательный и даже хаотичный порядок перечисления этих девяти характерных черт героя. Но можно привести многочисленные примеры аналогичного построения характеристик у современных писателей и публицистов и даже у писателей-викторианцев, в том числе у Диккенса и Теккерея. Следовательно, эта «неупорядоченность» перечисления в отрывке не является индивидуальным стилистическим приемом автора, а особенностью жанровой и лингвистической.

Когда отрывок переводился первыми двумя группами (11 человек), единственное, о чем я предупредил студентов, это о написании немецкой по происхождению фамилии Кнапп (и то после начала эксперимента, заметив, что студенты транскрибируют ее «Нэп»). И в четырех работах, сохранивших в точности порядок членов предложения подлинника, описанию Кнаппа была придана переводчиками

ироническая экспрессия. Конечно, такая трактовка отрывка в переводе вдвойне ошибочна. Во-первых, жанровые особенности текста не дают основания видеть иронию в этой характеристике. Во-вторых, передача иронии соположением разнохарактерных черт создает нежелательное впечатление небрежности переводчика. В этом можно убедиться, прочитав приводимый далее вариант № 1.

Knapp was one of the new breed of scientists who, after World War II, had become a scientist-inventor-businessman... He was a man of black coffee, hurried airplane flights, phone calls, technical drawings, intuitions about amperage and voltage, vast unanswered correspondence, harassed secretaries, rumpled suits, and a burning attention for only one thing, his scientific work. (E. Burdick and H. Wheeler. "Fail-Safe", p. 25)

В а р и а н т № 1

Кнапп принадлежал к числу ученых нового типа, которые после второй мировой войны становились учеными, изобретателями и бизнесменами одновременно... Это был человек, для которого одинаково характерным было черный кофе и спешные вылеты, телефонные звонки и корпение над чертежами, поразительная интуиция в выборе вольтажки и ампеража, горы неотвеченных писем и загнанные секретари, вечно помятый костюм и жгучий интерес только к одному — своей научной работе.

Впечатление небрежности усиливается в этом переводе употреблением несуществующего в русском языке слова «неотвеченные» (письма), буквалистическими «вольтажем» и «амперажем» и неоправданным «корпением» над чертежами.

Когда перед проведением эксперимента в других группах, студенты были предупреждены о том, что порядок составляемых этой характеристики не имеет стилистического значения, большинство переводивших (24 из 32-х) произвели ту или иную перегруппировку членов предложения. Однако лишь очень немногие учли подлинный стилистический характер текста: его предельную лаконичность, экономию средств, стремление создать цельный портрет, выделив немногие характерные детали. В результате даже довольно точный перевод (вариант № 2) оказался многословным (71 слово вместо английских 57-и) и лишенным динамичности подлинника.

Кнапп был представителем ученых новой формации, который после второй мировой войны сочетал в себе ученого, изобретателя и бизнесмена. Он был страстным любителем черного кофе, ходил в вечно помятом костюме, и единственное, о чем он постоянно думал, были его научные проблемы, вольты и амперы; его стол был вечно завален чертежами и корреспонденцией, ожидающей ответа; телефонные звонки раздавались поминутно, секретарши изматывались на работе, а сам он вечно торопился на самолет.

Синтаксический разнобой в построении этого периода по существу лишает всю структуру целостности. С таким же успехом можно было бы вообще разбить весь период на несколько предложений. Но в этом нет необходимости. Ведь вся характеристика представляет собой несомненно стилистико-синтаксическое целое. Переходы к новому структурному центру, дважды отмеченные в варианте № 2 пунктуацией (точкой с запятой), фактически разрывают это целое. И здесь можно отметить очень важный результат эксперимента: всего 9 переводивших из 42 не сохранили целостности периода, разбив его на части, тогда как в 33-х переводах единство описания соблюдено, даже в семи переводах студентов третьего курса. Это говорит о наличии достаточно развитого стилистического чутья у теоретически еще не подготовленной аудитории.

В третьем варианте, как и во втором, порядок следования однородных членов предложения изменен, однако характеристика приобрела большую цельность и органичность. Кроме того, в третьем варианте нет синтаксического разнобоя и соблюдена динамика подлинника. Это несомненно адекватный перевод.

В а р и а н т № 3

Кнапп был представителем нового, послевоенного поколения ученых, сочетавших в себе также черты изобретателя и дельца... Этот человек, глубоко проникший в тайны электричества, поглощенный единой страстью к своей науке, готов был по первому вызову мчаться, наскоро проглотив чашечку черного кофе, в помятом костюме, с рулоном чертежей подмышкой, на самолет, оставив позади гору ожидающих ответа писем и сбившихся с ног секретарш.

В этом переводе выделены и поставлены на первое место важнейшие черты характеристики и применена лексическая трансформация (генерализация значений: «глубоко проникший в тайны электричества»). Этот вариант оказался в трех работах, причем в группе пятого курса, после того, как аналогичное явление — нелогичный порядок однородных членов предложения — уже встречалось и подвергалось анализу в процессе обучения. Но такой же вариант, с незначительными лексическими отступлениями, получился и в одной работе третьего курса. В общем, закономерность перестановок, диктуемых самой логикой фактов и обстоятельств, лучше воспринимается после того, как на этом явлении уже фиксировалось внимание переводчиков в теории и практике перевода. Конечно, оптимальное решение нельзя считать однозначным. Приведенными тремя вариантами далеко не исчерпывается возможность адекватного перевода данного текста.

Эксперимент для проверки закономерности трансформаций

При проведении экспертизы, порученной Московским городским судом Кафедре перевода Московского педагогического института иностранных языков, поставленный мною эксперимент имел совершенно определенную цель: выяснить вероятность совпадения ошибки в двух переводах, ошибки, которая послужила чуть ли не самым веским доводом в решении суда первой инстанции о наличии плагиата. Перевести отрывок английского текста, содержащий одинаково ошибочно переведенное истцом и ответчиком слово, было предложено 78 студентам трех старших курсов переводческого факультета и слушателям Высших педагогических курсов, и в двух переводах из 78 оказалась та же самая ошибка.

Кроме совпадения одной ошибки в обоих переводах, решение суда первой инстанции, впоследствии отмененное, основывалось также на совпадении так называемых «переводческих находок», т. е. удачного отхода от словарных соответствий. Таких случаев первая экспертиза МГУ, пришедшая к неправильному выводу о наличии плагиата, насчитала девять. Однако все эти «отступления» были по существу логически и стилистически оправданы и закономерны. Все они подходили под определенные категории лекси-

ческих и грамматических трансформаций. Проведенный в ходе экспертизы переводческий эксперимент подтвердил естественность этих совпадений. Вообще, в квалифицированных переводах одного и того же произведения, выполненных разными переводчиками, неизменно наблюдается довольно высокий процент словарных совпадений.

Эксперты МГУ подсчитали, что в 11 главах романа³, содержащих 337.000 слов, в двух переводах совпадают 29.000 слов, т. е. 9%. Экспертная комиссия МГПИИЯ, подсчитавшая отрывки размером в 500.000 слов в разных переводах «Ярмарки тщеславия» Теккерея, «Госпожи Бовари» Флобера и «Тихого американца» Грэма Грина, обнаружила совпадения лексики от 40 до 62%. Таким образом, число совпадений в переводе ответчика оказалось в пять-шесть раз меньше нормального. Это объясняется тем, что перевод, выполненный истцом, никак нельзя признать квалифицированным переводом. Чем квалифицированней переводы, тем выше должен быть процент совпадений.

Чтобы проверить этот вывод и одновременно подтвердить выводы, сделанные в период проведения экспертизы в 1961 году, в ноябре — декабре 1972 года те же примеры из романа К. С. Причард «Золотые мили» были даны для перевода студентам III, IV и V курсов МГПИИЯ. Как уже было упомянуто, целью эксперимента было установить закономерность совпадений трансформационного перевода.

Естественно, что и незнакомый с теорией трансформаций переводчик, обладающий достаточным языковым чутьем, может успешно применять те или иные приемы лексических и грамматических трансформаций интуитивно. Опытные переводчики художественной литературы сплошь и рядом пользуются этими приемами, не зная теории и так же не сознавая, что они их применяют, как мольеровский мосье Журден не знал, что всю жизнь говорит прозой. Учитывая это обстоятельство, мы проводили эксперимент в группах IV и V курсов, уже знакомых с теорией трансформаций, и в группах III курса, которым эта теория еще неизвестна. Это принималось во внимание при сопоставлении результатов эксперимента.

Приведем наиболее показательные примеры из недавно проведенного эксперимента.

³ См. К. С. Причард. Золотые мили (пер. С. Серпинского, М., 1949 г. и пер. Т. Озерской, М., 1954 г.)

In the change room, with the rush of getting out of their working clothes and fighting for the showers, came renewed energy. The fresh air revived most of the men, and the thought of beer at the nearest pub stimulated sluggish pulses.

В ходе судебного процесса второму переводчику было инкриминировано «лишнее», т. е. отсутствующее в подлиннике слово «кружка» (мысль о **кружке** пива), оказавшееся в обоих переводах. Если при проведении эксперимента в 1961 году в более разнородной аудитории совпадение приема конкретизации («кружка пива» вместо «пива») было у 82% переводивших, то теперь у студентов IV и V курсов этот процент превысил 90%, а у групп III курса был равен 84%. Стало быть, знание теории повышает вероятность закономерных трансформаций.

Во втором примере жена шахтера обращается к женщине, недавно приехавшей в поселок, и, чтобы передать разговорность и простоту речи, у обоих переводчиков романа появился одинаковый антонимический перевод.

I am pleased to meet you, Mrs de Morfé. Will you come in? It's such a hot morning, and your husband knows our *free and easy way* on the goldfields. We usually have a cup of tea at this time.

Вот «почти» одинаковые переводы истца и ответчика:

— Очень рада познакомиться с вами, миссис де Морфе. Прошу вас, пройдемте в дом. Сегодня такое жаркое утро... Ваш муж знает, что у нас здесь *по-просту, без церемоний*. Мы в это время обычно пьем чай.

— Я рада познакомиться с вами, миссис де Морфе. Не хотите ли войти в дом? Такое жаркое утро... Ваш муж знает, что у нас здесь *просто, без церемоний*.

Действительно, совпадение перевода фразеологизма *free and easy (way)* на первый взгляд может показаться подозрительным. Ведь словарь Мюллера, которым могли пользоваться оба переводчика, дает «прямой» перевод: «непринужденный, чуждый условностей», что не соответствует ситуации и характеру говорящей. Аудитория, в которой проводился эксперимент 1972 года, была предупреждена, что это слова простой женщины, жены горняка. В результате у 73% переводивших оказался один и тот же антонимический перевод:

«у нас здесь без церемоний». Правда, почти никто из студентов не опустил выражения «на золотых приисках», но такое опущение вполне понятно у переводчиков всего романа в целом, где действие происходит на приисках, и нет необходимости повторять это на каждом шагу.

Основу лексических трансформаций в процессе перевода составляют категории логического мышления. Когда эксперимент касается менее сложной категории подчинения, закономерность совпадений в переводах выступает более отчетливо, чем при трансформациях, входящих в рамки формально-логических категорий перекрещивания и внеположенности. Операции сужения и расширения понятия при переводе приемами дифференциации, конкретизации и генерализации, укладывающиеся в рамки формально-логической категории подчинения, дают самый высокий процент совпадений — от 75 до 90 процентов.

Следует отметить, что право на обобщение результатов дают лишь массовые наблюдения. Большим подспорьем в этом отношении могут служить стабильные тексты контрольных работ, проводившихся в течение ряда лет и хранящихся на кафедре вуза или у преподавателя. Когда один и тот же текст, например, статья У. Фостера о кризисе 1929 года в США или же отрывок из его книги «Закат мирового капитализма» о положении негров в США служит в качестве контрольной письменной работы по переводу с английского на III курсе более двадцати лет (первая статья — с 1947 года, отрывок из книги — с 1950 года), то результаты наблюдений и выводы основываются на сопоставлении от 200 до 350 работ. Правда, довольно простые тексты этих двух контрольных дают материал для наблюдения над трансформациями «первой ступени» — дифференциацией, конкретизацией и генерализацией понятий в переводе.

Конкретизируя *final message to Congress* президента Кулиджа в декабре 1928 года, более половины писавших перевели: «прощальное послание президента конгрессу», что конечно точнее, чем «заключительное» или «последнее» послание. Здесь дифференциация сочетается с конкретизацией определения.

В той же статье, характеризуя эру «процветания», президент Кулидж упоминает о *freedom from industrial strife*, и, разумеется, повторяющийся примерно в трети всех работ перевод: «отсутствие борьбы в промышленности» с использованием словарного соответствия *strife*=«борьба» совершенно недопустим. Правильно поступили почти 60% пи-

савших, прибегнув к конкретизации понятия *strife*: «отсутствие конфликтов в промышленности».

Лишь в немногих переводах учтено, что *factory* более широкое понятие, чем «завод», охватывающее нередко и фабрики. Менее, чем в 5% процентах работ фраза *factories shut down* переведено: «заводы и фабрики закрывались». Между тем, такая дифференциация и конкретизация здесь обязательна.

В отрывке из книги У. Фостера о положении негров в США сказано:

But worse of all is the terrible scourge of lynching, the brutal hangings, shootings and burnings of Negroes that have so often disgraced our nation.

Почти в 40% всех переводов буквальная передача однородных членов сопровождалась смысловой ошибкой: «зверские повешения, расстрелы и сожжения негров». Между тем, *shooting*, — конечно, не расстрел по приговору суда или военного трибунала. Правильно поступили те (свыше 20%), кто применил при переводе однородных членов предложения и грамматическую, и лексическую трансформацию: генерализацию значения *shootings* и замену существительных глаголами:

«Но самое чудовищное — это бич линчевания, когда негров убивают, вешают, сжигают заживо, что так часто позорит наш народ».

Прием генерализации — «убивают» вместо ненужной в данном контексте детализации, к тому же затрудненной отсутствием в русском языке глагола, обозначающего «убить из огнестрельного оружия», — здесь вполне оправдан. Когда речь идет о систематических убийствах, нельзя использовать ни «застрелить», ни «подстрелить», ни «пристрелить».

В переводе статьи У. Фостера можно отметить и случай более сложного приема лексической трансформации — смыслового развития понятия. Выброшенных на улицу во время кризиса американских специалистов Фостер называет *formerly proud professionals*. «Прежде гордые специалисты» — явная нелепость. В русском языке, как это нередко бывает, требуется более точное обозначение качества или признака. Поскольку дальше, в той же статье, говорится о том, что «беловоротничковые рабочие» (т. е. служащие) и специалисты считали себя привилегированной частью общества, естественно путем развития значения *formerly proud profes-*

sionals перевести: «прежде гордившиеся своим положением специалисты». Это добавление фигурирует почти в 10% всех переводов.

Нужно учесть, что описанные выше трансформации в переводах из работ У. Фостера выполнены на 5-м семестре студентами, совершенно не знакомыми с теорией перевода и с теорией лексических и грамматических трансформаций в частности. Тем показательней результаты эксперимента. Закономерности остаются закономерностями, независимо от того, сознательно или бессознательно применяется переводчиком данный прием. Конечно, знание теории ускоряет и закрепляет приобретение навыка.

И. М. Жилин
(Краснодар)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИНОНИМИКИ И ВАРИАНТНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Известно, что отдельные произведения некоторых авторов переводятся на какой-либо язык по несколько раз. Так, например, «Стрелочник Тиль» Г. Гауптмана имеется на русском языке в пяти разных переводах, «Письмо незнакомки» С. Цвейга — в четырех, «Верноподданный» Г. Манна — в трех, а «Анна Каренина» Л. Толстого переводилась на немецкий язык разными переводчиками девятнадцать раз. Эти произведения существуют на другом языке как бы в нескольких вариантных разновидностях. Два перевода (или несколько) одного и того же произведения, выполненные двумя (или несколькими) переводчиками, могут оба (или все) считаться адекватными, хотя и будут отличаться друг от друга по своему словарному составу, по составу фразеологизмов и по общей синтаксической структуре как отдельных предложений, так и целых абзацев. Понятно, что наряду с отличиями в разных переводах одного и того же произведения обнаруживаются и совпадения.

Интересные результаты исследования совпадений слов у разных переводчиков при переводе одного и того же произведения с французского и с английского языков на русский приводятся Я. И. Рецкером в статье «Плагиа́т или самостоятельный перевод?»¹. По его данным, у разных

¹ См. «Тетради переводчика», № 1, М., 1963.

переводчиков отмечается в среднем 40% совпадений слов, на некоторых страницах — до 62% (имена собственные и личные местоимения при этом не учитывались).

Процент совпадения предложений в вариантах переводов является, по всей вероятности, очень незначительным, так как возможности варьирования в синтаксисе языка намного богаче, чем в словарном составе исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ). Именно поэтому большинство предложений в ПЯ, представляющих собой перевод одного и того же предложения ИЯ, отличаются друг от друга структурой, порядком слов и лексическим наполнением.

На основе сопоставительного анализа нескольких переводов одного и того же произведения автор этой статьи пытается показать богатство и соотнесенность синонимических и вариативных средств русского и немецкого языков, а также использование синонимии и вариантности языковых единиц при переводе. Основное внимание при этом уделяется синонимике и вариантности в синтаксисе.

Как для писателя, так и для переводчика синонимичные и вариативные ресурсы языка имеют огромное значение, так как они создают возможность варьирования для выражения мысли и используются для создания стилистически полноценных произведений. Проблеме синонимии посвящено большое количество работ как в нашей лингвистической литературе, так и в трудах многих зарубежных авторов. Если на первых этапах исследования этой проблемы речь шла в основном о синонимах в лексике, то в последнее время языковеды, расширив область изучения синонимии, говорят уже о звуковых и словообразовательных синонимах, о грамматических и фразеологических синонимах, а также о логических и синтаксических синонимах².

Под синонимами в лексике здесь понимаются слова, имеющие близкое или равное значение, но разное звучание.

Синтаксическими синонимами в статье называются модели таких синтаксических конструкций (словосочетаний, оборотов, предложений), которые имеют адекватное грамматическое значение и выражают сходные синтаксические отношения. В плане предельной семантической близости

² См. «Очерки по синонимике современного русского литературного языка». М.—Л., 1966; «Лексическая синонимия». М., 1967; Е. И. Шендельс. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970; К. В. Школина. Синонимия способов выражения модальности в современном немецком языке. Л., 1971. «Синонимы русского языка и их особенности». Л., 1972.

понимаются в этой работе и синонимы в словообразовании и фразеологии.

Синонимикой в статье именуется совокупность синонимичных средств языка в его различных сферах — словообразовании, лексике, фразеологии и грамматике.

В языковедческих работах последних лет значительное внимание уделяется проблеме вариантности³. Явление вариантности имеет существенное значение для теории и практики перевода. Следует отметить, что термины «вариант», «вариантность» понимаются многими исследователями не однозначно; в вариантность включается широкий круг явлений языка. Сюда относят различные варианты фонем, морфем, варианты одного и того же слова, варианты синтаксических единиц и фразеологизмов. Некоторые лингвисты в вариантность включают и синонимику, рассматривая все единицы языка, имеющие одинаковое значение и способные к взаимозамещению, как варианты⁴.

Вариантными здесь называются единицы языка (морфемы, слова, словоформы, словосочетания, обороты, предложения), которые существуют в языке в двух или более различных модификациях, не отличающихся друг от друга по своему основному значению. Вся совокупность вариантных единиц в языке именуется вариантностью.

Из сказанного выше видно, что синонимика и вариантность представляют собой явления языка, имеющие ряд общих признаков. В целом ряде случаев это затрудняет разграничение названных понятий и нередко ведет к смешению понятий синонима и варианта. Особую трудность вызывает отграничение синтаксических синонимов от синтаксических вариантов. Представляется, что для разграничения упомянутых явлений в синтаксисе можно руководствоваться положением, высказанным Е. И. Шендельс: «... различие между грамматическими синонимами и вариантами в следующем. Грамматическая синонимия объединяет разные синтаксические модели, которые отличаются друг от друга как структурой, так и содержанием. Различие в

³ См. Е. И. Ш е н д е л ь с. Синтаксические варианты. «Филологические науки», 1962, № 1; Н. Н. С е м е н ю к. Некоторые вопросы изучения вариантности. «Вопросы языкознания», 1965, № 1; О. И. М о с к а л ь с к а я. Норма и варьирование в современном немецком литературном языке. «Иностранные языки в школе», 1967, № 6.

⁴ Н. Г. М и х а й л о в с к а я. Заменяемость слов как признак синонимичности. «Лексикология и лексикография», М., 1972.

содержании касается системных грамматических значений, обладающих регулярными системными показателями. Значение синонимичных моделей близко, но никогда полностью не совпадает. Варианты модели — это изменения внутри модели, не превращающие ее в иную модель. Варианты могут быть значимыми в том случае, когда они выражают актуальное членение предложения, стилистико-эмоциональные оттенки и другие несистемные значения. Варианты незначимы, если они связаны с колебаниями грамматической нормы. Незначимые варианты именуются синтаксическими дублетами. Варианты не являются синонимами, так как они либо тождественны по значению (дублеты), либо их смысловое различие не затрагивает системных грамматических значений»⁵.

Рассмотрим на конкретных примерах, как переводчики используют синонимику и вариантность языковых единиц в своей деятельности. При сопоставлении двух или нескольких переводов одного и того же произведения нетрудно заметить совпадения и различия в этих переводах. Обычно широко пользуются переводчики богатством синонимичных средств в лексике, морфологии и синтаксисе, фразеологии и словообразовании языка. При наличии синонимических единиц языка они употребляют из двух или нескольких единиц ту, которая, по их мнению, наиболее точно и полно соответствует единице ИЯ в каждом конкретном случае⁶.

К простейшему случаю использования синонимии в словообразовании можно отнести перевод русского суффикса **-ация** в некоторых словах синонимичными немецкими суффиксами **-(at)ion/-(-ier)ung**⁷:

реставрация — *Restauration/Restaurierung*;
автоматизация — *Automation/Automatisierung*.

Лексемы в ПЯ отличаются здесь лишь суффиксами, основа у них общая.

В некоторых словах немецкого языка синонимизируется суффикс **-ist** с компонентом сложного слова **-herr**. Поэтому

⁵ Е. И. Шендельс. Синтаксические варианты. «Филологические науки», 1962, № 1, стр. 10.

⁶ Хотя проблема точности перевода в статье не рассматривается, для анализа использовались лишь те примеры, которые, на наш взгляд, относительно верно и адекватно передают содержание подлинника.

⁷ О синонимии суффиксов см.: W. F l e i s c h e r. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1969, S. S. 156—159.

отдельные слова русского языка могут переводиться на немецкий язык двумя разными словами, отличающимися друг от друга лишь последними компонентами, как например:

колонизаторы — Kolonialisten/Kolonialherren;
монополисты США — die USA-Monopolisten/die Monopolherren der USA.

Сложнее обстоит дело с варьированием, если сравнительному анализу подвергать не отдельные слова, а словосочетания. Так, при переводе глагольных словосочетаний ИЯ в ПЯ при одном и том же существительном могут варьироваться глаголы, например:

одержать победу — den Sieg *davontragen*/den Sieg *erfechten*;

подняться на высоту (из газет) — Höhe *erreichen*/Höhe *erklimmen*;

повышать благосостояние народа (из газет) — den Wohlstand des Volkes *erhöhen*/den Wohlstand des Volkes *mehren*.

Как видно из примеров, пары глаголов вне приведенных словосочетаний синонимами не являются, но в сочетании с именами существительными они создают синонимичные глагольные словосочетания, которые и используются переводчиками.

Разными способами могут переводиться на немецкий язык русские словосочетания «относительное прилагательное + существительное», которым в ПЯ соответствуют обычно следующие синонимичные пары:

а) сложное слово и словосочетание «относительное прилагательное + существительное»:

деревянные колья (М. Г. Мальва*) — Holzpfähle/hölzerne Pfähle;

советский народ — das Sowjetvolk/das sowjetische Volk;

б) сложное слово и словосочетание «существительное + существительное в родительном падеже»:

народная интеллигенция (из газет) — eine Volksintelligenz/eine Intelligenz des Volkes;

* См. сокращения в конце статьи.

в) словосочетание «относительное прилагательное + существительное» и словосочетание «существительное с предлогом»:

зарубежные гости — ausländische Gäste/Gäste aus dem Ausland.

В приведенных выше примерах русское словосочетание «относительное прилагательное + существительное» на немецкий язык переводится разными переводчиками несколькими синонимичными конструкциями, компоненты которых в каждой паре представляют собой однокорневые элементы. Это же словосочетание русского языка может переводиться на немецкий соответствующими синонимичными единицами с разнокорневыми компонентами, как например:

мировая арена (из газет) — die Weltarena/die internationale Arena;

сельскохозяйственные продукты — Agrarprodukte/landwirtschaftliche Produkte;

женские шаги (Л. Т. Анна) — Frauenschritte/weibliche Schritte.

Нетрудно заметить, что основы этих разнокорневых компонентов в сочетаниях Agrar-/Landwirtschaft-; Frau-/Weib- синонимичны. Кроме того, возможны случаи, когда названное русское словосочетание переводится на немецкий язык двумя разными словами, отличающимися друг от друга своими составными частями:

нищенское существование (из газет) — Elendsexistenz/Bettlersdasein.

Таким образом, при переводе на немецкий язык русского словосочетания, построенного по модели «относительное прилагательное + существительное», широко используется как синонимичность разных конструкций немецкого языка, так и синонимия в лексике. Следовательно, изобразительные средства черпаются из всего обширного арсенала синонимии языка.

Несколькими синонимичными конструкциями переводится на немецкий язык русское словосочетание «существительное + существительное в родительном падеже». Ему могут соответствовать в немецком переводе: а) сложное слово; б) равноструктурная конструкция, т. е. словосочетание «существительное + существительное в родительном падеже»; в) словосочетание «прилагательное + существительное». Например:

органы партии (Устав) — die Parteiorgane/die Organe der Partei;

путь борьбы (Устав) — ein Kampfweg/ein Weg des Kampfes;

коллективность руководства (Устав) — die Kollektivität der Leitung/die kollektive Leitung.

В целом ряде случаев компоненты в синонимичных конструкциях ПЯ могут отличаться друг от друга тем, что в них употребляются разные синонимичные лексемы или основы, как например:

армия безработных (из газет) — das Arbeitslosenheer/die Armee der Arbeitslosen;

тюрьма народов (из газет) — Völkergefängnis/Völkerkerker.

Использованием синонимов -gefängnis/-kerker достигается варьирование компонентов в структуре сложных слов.

Следует подчеркнуть, что нередко одно и то же слово или словосочетание ИЯ, встречающееся в тексте несколько раз, переводится разными синонимичными единицами в ПЯ, например:

программа партии — das Parteiprogramm/das Programm der Partei.

Если сравнительному анализу подвергать не изолированные слова или вырванные из контекста словосочетания, а целые предложения в разных переводах, то картина использования всего богатства синонимии языка предстанет в более полном виде. Известно, что каждый развитый язык располагает целым набором синонимичных синтаксических единиц для выражения тех или иных синтаксических отношений. Поэтому, если какое-то предложение ИЯ имеется в нескольких вариантных разновидностях ПЯ, возможны случаи, когда в каждом варианте перевода употребляется одна из синонимичных конструкций, имеющих в ПЯ. Так, например, русский деепричастный оборот с деепричастием несовершенного вида переводится обычно на немецкий язык несколькими синтаксическими конструкциями, большинство из которых синонимичны друг другу:

«А! Константин Дмитрич!..» — сказала она, подавая ему крошечную желтую руку... (Л. Т. Анна, 50)

1. „Ah, Konstantin Dmitritsch“, sagte sie, ihm die kleine gelbe Hand reichend. (IV, 80)

2. „Ach, Konstantin Dmitritsch“, sagte sie, *während sie ihm ihre auffallend kleine, gelbe Hand reichte.* (II, 75)

3. „Ah, Konstantin Dmitritsch“, sagte sie, *indem sie ihre gelbliche Hand reichte.* (V, 65)

Как видно из примеров, здесь деепричастный оборот переведен первопричастным оборотом (1) и придаточными предложениями (2, 3). Союзы *während* и *indem* синонимичны, синонимами являются и придаточные предложения, вводимые этими союзами. Этим же подчиненным предложениям синонимичен и первопричастный оборот. Именно синонимичность этих трех синтаксических конструкций немецкого языка и дает возможность переводчикам один и тот же оборот русского языка передавать разными синтаксическими единицами.

Поскольку немецкому первопричастному обороту синонимично также подчиненное предложение с союзом *wobei*, то оно тоже может употребляться для перевода русского деепричастного оборота:

Он весело засмеялся, *показывая свои сплошные зубы..* (Л. Т. Анна, 178)

1. Er lachte vergnügt, *seine dichten nebeneinanderstehenden Zähne zeigend.* (IV, 277).

2. Er lachte lustig auf, *wobei er seine dichten Zähne zeigte.* (II, 262)

Следует отметить, что для перевода названного русского оборота применяется иногда в немецком языке личная форма глагола, которая выступает в предложении в функции одного из однородных сказуемых:

— Ваш брат здесь, — сказал он, *вставая.* (Л. Т. Анна, 63).

1. „Ihr Bruder ist hier“, sagte er, *sich erhebend.* (IV, 99).

2. „Ihr Bruder ist hier“, sagte er, *indem er autstand.* (II, 93)

3. „Ihr Bruder ist hier“, sagte er und *erhob sich.* (I, 107)

4. „Ihr Bruder ist hier“, sagte er und *stand auf.* (V, 80)

Показательно, что в этих переводах наряду с синтаксической синонимией используется также и лексическая: в первопричастном обороте употреблен глагол *sich erheben*, а в

синонимичном ему подчиненном предложении — *aufstehen*. Здесь, следовательно, имеет место комбинированное использование лексических и синтаксических синонимов.

Синонимичные конструкции немецкого синтаксиса широко используются переводчиками при передаче многих других синтаксических единиц русского языка, как например:

I. Узкая, длинная коса походила на огромную башню, упавшую с берега моря. (М. Г. Мальва, 99)

1. Die schmale, lange Sandbank glich *einem ins Meer gestürzten Riesenturm*. (I, 103)

2. Die schmale lange Landzunge glich *einem riesigen Turme, der von der Küste ins Meer gefallen war*. (II, 5)

II. освободившиеся от колониального ярма страны... (из газет).

1. Die von der kolonialen Unterdrückung frei gewordenen Länder...

2. Die Länder, die das Kolonialjoch abgeworfen haben...

III. Чувство довольства собой за то, что у него такой здоровый, красивый сын... (М. Г. Мальва, 101)

1. Das Gefühl der Befriedigung, *daß er einen so gesunden schönen Sohn hatte*... (I, 109)

2. Das Gefühl der Befriedigung, *einen so kräftigen und schönen Sohn zu haben*,.. (II, 9)

3. Das Gefühl der Befriedigung, *einen so schönen und großen Sohn zu haben*, ... (III, 6).

В приведенных выше примерах перевода русский причастный оборот в функции определения переведен на немецкий язык двумя синонимичными единицами — распространенным определением и подчиненным определительным предложением (пример I). В примере II эти немецкие конструкции употреблены для перевода русского распространенного определения, которое синонимично обособленному причастному обороту (ср.: страны, *освободившиеся от колониального ярма*). В примере III русское подчиненное предложение переведено двумя синонимичными конструкциями — подчиненным предложением и инфинитивным оборотом.

Изложенное выше позволяет нам высказать предположение, что сама возможность перевода какой-нибудь единицы ИЯ несколькими единицами ПЯ свидетельствует о том,

что эти единицы ПЯ синонимичны друг другу и, следовательно, могут замещать друг друга в одинаковом синтаксическом окружении.

При переводе пословиц, крылатых выражений и фразеологизмов также используется синонимия этих единиц. Нередко одной такой единице ИЯ могут соответствовать несколько разных синонимичных единиц ПЯ, т. е. одной пословице, поговорке или одному фразеологизму ИЯ могут быть эквивалентны несколько пословиц, поговорок или фразеологизмов ПЯ. Так, например, русская пословица «Черного кобеля не отмоешь добела» разными переводчиками переведена на немецкий язык: 1. Ein schwarzer Hund wird auch durch Schrubben nicht bunt. 2. Wer einen Mohren wäscht, verliert Mühe und Seife. Ставшие крылатыми слова Маяковского «Лет до ста расти нам без старости» встречаются на немецком языке в двух разновидностях: 1. Hundert Jahre leben, ohne zu altern. 2. Hundert Jahre auf Erden, ohne alt zu werden. Если в первом варианте перевода здесь передается лишь общее значение слов Маяковского, то во втором, наряду со значением, уделяется внимание и форме, ибо в этом варианте предпринята попытка передать на немецком языке и стихотворную рифму этого выражения.

Приведенный выше материал, таким образом, показывает, что наличие в ПЯ синонимии в словообразовании, лексике, грамматике и фразеологии часто дает переводчикам возможность одну и ту же единицу ИЯ передавать несколькими синонимичными единицами ПЯ. Для иллюстрации здесь приводились примеры переводов с русского языка на немецкий. При анализе переводов с немецкого на русский, с английского на немецкий, со шведского на английский, а также со шведского на немецкий вырисовывается картина во многом сходная с описанной выше⁸.

Рядом с синонимикой в переводах находит широкое применение вариантность языковых единиц. Вариантность создает возможность выражения одного и того же значения параллельными или дублетными формами, которыми располагает тот или иной язык. Немецкий язык имеет большое количество вариантов в фонетической, морфологической и

⁸ См. нашу статью «Перевод на русский язык сравнительного инфинитивного оборота германских языков» в сб.: «Труды Краснодарского государственного пединститута», вып. 35, Краснодар, 1963.

синтаксической системах. Вариантность свойственна также и фразеологии немецкого языка⁹.

Поэтому часто в разных переводах с русского языка на немецкий можно видеть отражение вариантности глагольного управления, предложного управления имен существительных, вариантности в отделяемости/неотделяемости глагольных приставок, вариантности в образовании форм претерита и др. Однако наиболее полно вариантность представлена в синтаксисе, особенно в структуре таких синтаксических единиц, как словосочетание и предложение. Вариантность этих единиц порождается обычно различием в порядке слов, хотя они могут иметь и полностью тождественное лексическое наполнение, как например, в переводах предложения: «Прошло почти два месяца.» (Л. Т. Анна, 753)

1. Fast zwei Monate waren vergangen (I, 603).

2. Es waren fast zwei Monate vergangen (II, 490).

Следует заметить, что здесь возможен и третий вариант немецкого предложения: *Vergangen waren fast zwei Monate.* При переводе даже небольших по объему предложений наблюдается варьирование в структуре и лексическом наполнении предложений на ПЯ. Так, предложение, состоящее только из двух слов: «Море — пустынно.» (М. Г. Мальва, 113) переведено по-разному тремя переводчиками:

1. Öde blieb das Meer. (I, 149)

2. Aber das Meer blieb leer. (II, 29)

3. Das Meer aber blieb öde. (III, 27)

Эти три варианта перевода одного предложения различаются порядком слов, употреблением синонимов в данном контексте (*öde/leer*) и наличием/отсутствием *aber*. Однако этим не исчерпаны вариационные возможности в немецком переводе, здесь возможны и такие предложения:

*Leer aber blieb das Meer. Aber das Meer blieb öde.
Das Meer aber blieb leer.*

С увеличением объема синтаксической единицы возрастают возможности варьирования в разных переводах этой единицы. Рассмотрим варианты перевода следующего русского предложения на немецкий язык:

⁹ См. Э. Х. Ротт. Варианты фразеологизмов в сб.: «Система глагола и фразеология современного немецкого языка». Челябинск, 1965.

Все смешалось в доме Облонских. (Л. Т. Анна, 3).

1. Der ganze Haushalt der Familie Oblonski war in Unordnung geraten. (I, 7)

2. Im Hause der Oblonskis herrschte große Verwirrung. (II, 6)

3. Im Hause der Oblonskiy herrschte allgemeine Verwirrung. (VI, 3)

4. Bei den Oblonskijs herrschte allgemeine Verwirrung. (V, 7)

5. Im Hause Oblonsky war alles in Verwirrung. (III, 5)

6. Bei Oblonskijs ging alles drunter und drüber. (IV, 9)

7. Bei Oblonskys ging es heute drunter und drüber. (VII, 7)

Как видно из этих примеров, вариантность в структуре предложений ПЯ зиждется, во-первых, на употреблении прямого/инвертированного порядка слов и, во-вторых, на разных переводах сказуемого в предложении ИЯ «смешалось», которое на немецкий язык переведено: war in Unordnung geraten/herrschte allgemeine Verwirrung/es ging drunter und drüber. Если же учесть то обстоятельство, что каждый из этих вариантов перевода допускает в свою очередь дальнейшее варьирование, то конечный набор возможных вариантов перевода указанного русского предложения не исчерпывается этими семью предложениями. Поэтому при необходимости могут быть созданы новые варианты переводов. Таким образом, «у разных синтаксических структур разная степень варьирования,... В принципе степень варьирования должна зависеть от уровня синтаксической структуры. Чем выше уровень, тем больше возможность варьирования. Модель предложения должна иметь большее количество вариантов, чем модель словосочетания, ибо первая допускает интонационное варьирование, а также большую свободу в изменении последовательности слов вследствие своего большого объема»¹⁰.

Отметим, что вариантность используется также в переводах пословиц, поговорок или фразеологизмов с одного языка на другой, как например: «Мал золотник, да дорог».

¹⁰ Е. И. Шендельс. Синтаксические варианты. «Филологические науки», 1962, № 1, стр. 10.

1. Klein aber fein. 2. Klein, aber oho.

Итак, при анализе переводов одного и того же предложения ИЯ разными переводчиками на ПЯ наблюдаются следующие случаи:

1) полное совпадение всех компонентов предложения и одинаковое их следование, т. е. одинаковое лексическое наполнение и одинаковый порядок слов;

2) при одинаковом порядке слов — отличие в лексическом наполнении. Отличающиеся лексемы являются, как правило, либо синонимами, либо словами одного семантического поля;

3) при одинаковом лексическом наполнении предложения отличаются порядком следования их компонентов;

4) варианты переводов предложения отличаются как лексическим наполнением, так и порядком слов;

5) в вариантах переводов сложного предложения возможно варьирование в порядке слов и лексическом наполнении элементарных предложений;

6) чем больше по объему и чем сложнее предложение ИЯ, тем больше возможностей для варьирования в ПЯ.

Сопоставительный анализ вариантов перевода дает очень много для изучения способов перевода той или иной единицы языка, для исследования применения и использования синонимии и вариантности языков при переводе, а также для решения проблемы соотношения системы синонимичных средств одного языка с системой таких средств другого. Такое исследование, способствуя установлению более полного набора синонимичных единиц языков, воссоздает более полную картину реально существующих в языке синонимичных средств.

Богатые синонимичные ресурсы языка и его вариантность создают возможности и предпосылки для многократного варьирования при переводе с одного языка на другой. При этом варианты переводов могут во многом отличаться один от другого по своему словарному составу, по составу фразеологизмов и синтаксической структуре предложений и абзацев.

Принятые в статье сокращения

Л. Т. Анна — Л. Толстой. Анна Каренина.
М.—Л., 1950.

I — Leo Tolstoi. Anna Karenina. Übertr. von H. Kohl. Leipzig, 1947.

- II — Leo Tolstoi. Anna Karenina. Übertr. von R. Löwenfeld, Weimar, 1949.
- III — Leo Tolstoi. Anna Karenina. Übersetzt von A. Witting, neu bearbeitet von E. Th. Koloschinski, München, 1962.
- IV — Leo Tolstoi. Anna Karenina. Übertr. von A. Luther, Bd. V, B, s.a.
- V — Leo Tolstoi. Anna Karenina. Übertr. von F. Ottow, Wien, 1959.
- VI — Leo Tolstoi. Anna Karenina. Übertr. von H. Moser. Leipzig, Reclam.
- VII — Leo Tolstoi. Anna Karenina. Übertr. von A. Kotulski. B.
- VIII — Leo Tolstoi. Anna Karenina. Übertr. von F. Frisch. Zürich, 1946.

**М. Г. Мальва — М. Горький. Мальва
в сб.: «Избранное», 1946.**

- I — M. Gorki. Der Vagabund. B, s.a.
- II — M. Gorki. Malwa. Leipzig, 1951.
- III — M. Gorki. Malwa. Reclam.

**Устав — Материалы XXII съезда КПСС.
Устав КПСС, Госполитиздат, М., 1961, стр. 430—448.**

- I — Statut der KPdSU. М., 1961.
- II — Programm und Statut der KPdSU. В., 1961

М. И. Бродская
(Москва)

СЛОЖНЫЕ СЛОВА ТИПА TOOTH-CUTTING В АНГЛИЙСКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИХ РУССКИЕ СТРУКТУРНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

В английской технической литературе широко распространены сложные слова, состоящие из основы существительного и причастия I, например, paper-cutting, gear-shaping¹.

Такие слова нередко употребляются в функции определения к существительным, обозначающим, в частности различные механические устройства (станки, машины,

¹ При отнесении таких образований к сложным словам (а не к свободным словосочетаниям) мы исходим из их цельнооформленности.

средства транспорта и т. п.). Большая распространенность слов этого типа в технической литературе понятна, так как структура такого определения дает возможность отразить сложное понятие при помощи синтаксически нерасчлененного образования, первый компонент которого обозначает предмет, а второй — действие, совершаемое по отношению к этому предмету. Таким образом, сложное слово в совокупности с определяемым существительным образует компактное наименование механического устройства, например, станка.

Так, в «Англо-русском политехническом словаре» под редакцией А. Е. Чернухина (М., 1971) содержится около 500 различных определений к слову *machine*. Из них 160, т. е. около одной трети, определяются сложными словами типа «существительное + причастие I». Это очень большой процент, если учесть, что слово *machine* определяется самыми разнообразными по своей структуре словами и словосочетаниями, например, *absorption machine*, *automatic machine*, *cold-air machine*, *two-revolution machine*, *straightening machine*.

Среди определений есть и такие, которые внешне совпадают со сложными словами данного типа, но не являются таковыми, а представляют собой два отдельных определения, одно из которых существительное в атрибутивной функции, а другое — причастие I (*belt grinding machine* *ленточный шлифовальный станок*). В отличие от этих последних анализируемые нами определения представляют собой сложные слова, которые определяют слово *machine* не раздельно, а в одном смысловом комплексе (*cylinder-boring machine* *цилиндрорасточный станок*).

Подсчет различных по структуре определений к слову *machine* показывает, что сложные слова типа «существительное + причастие I» составляют среди них самую многочисленную группу.

Учитывая большую распространенность сложных слов анализируемого типа в английских технических текстах, небезынтересно выявить характер их соответствий в русском языке. С этой целью мы проанализировали определения данного типа к слову *machine* в упомянутом словаре А. Е. Чернухина. При этом, как следует из названия статьи, мы интересовались структурными (а не лексическими) соответствиями, т. е. нас интересовало, соответствуют ли этим сложным словам русские одноосновные или сложные слова, или словосочетания и каков их характер.

Принимая во внимание, что в русском языке, так же как и в английском, имеются сложные слова типа «существительное + причастие I» (*деревообрабатывающий, нефтедобывающий* и т. п.), логично было бы предположить, что этот тип слов может выступать в роли регулярных соответствий английским сложным словам типа «существительное + причастие I», употребляемым в технических текстах.

Однако анализ многочисленных английских наименований, состоящих из определений анализируемого типа и слова *machine*, и их русских соответствий показывает, что такие словообразовательные аналоги имеются лишь в отдельных случаях, в то время как основная масса английских слов данного типа переводится либо сложными словами других типов, либо суффиксальными словами, либо различными словосочетаниями.

Ниже мы приводим анализ перевода сложных слов типа «существительное + причастие I» — определений к слову *machine* по словарю А. Е. Чернухина.

I. Наиболее распространенными русскими соответствиями являются сложные слова, первый компонент которых — основа существительного, а второй — отглагольное прилагательное, например, *fish-watching machine рыбомоечная машина, nut-tapping machine гайконарезной станок*.

Второй компонент нередко представлен связанной (не имеющей самостоятельного употребления) основой прилагательного, например *screw-cutting machine винторезный станок, type-casting machine словолитная машина, wood-splitting machine древокольный станок*.

Сложные слова со связанной основой — распространенное явление русского словосложения. Модель типа *дровокольный* очень продуктивна. Очевидно, она поддерживается также весьма распространенной моделью сложных существительных со второй связанной основой типа *винодел*. В частности, эта модель гораздо продуктивнее, чем русская модель «существительное + причастие I», что и является одной из причин большого удельного веса русских соответствий этого типа английским сложнопричастным образованиям. Этот тип соответствий составляет приблизительно 45% от рассмотренных нами 160 случаев.

В этой группе соответствий могут иметь место несущественные лексические отклонения при переводе второго компонента: *bottle-cleaning machine бутыломоечная машина, brick-moulding machine кирпичеделательный пресс, dough-making machine тестомесильная машина*. Лексическая

подмена первого компонента встречается крайне редко, например: fish-scaling machine *чешушечная машина*.

II. Вторым по числу соответствий является тип, представленный русским предложным словосочетанием «для + отглагольное существительное + существительное (с определением или без определения)», например, fish-cleaning machine *машина для зачистки рыбы*.

В этом типе соответствий русские наименования часто оказываются более многословными, так как английское причастие нередко образуется от глагола, который может соответствовать двум русским словам, например: to slice *нарезать ломтиками* — food-slicing machine *машина для нарезки пищевых продуктов ломтиками*, to skin *снимать кожу* — fish-skinning machine *машина для снятия кожи с рыбы*. Кроме того, русское наименование должно включать предлог (помимо предлога для), например, sweet-foiling machine *машина для заворачивания конфет в фольгу*. Этот элемент отсутствует в соответствующем английском термине, так как отношения между компонентами сложного слова не имеют внешнего материального выражения.

Разновидностью этого типа русских соответствий является наименование, в котором на первом месте стоит прилагательное, соответствующее английскому причастию, например, head-joining machine *фуговальный станок для доньев*, pig-casting machine *разливочная машина для чугуна*. Этот тип соответствий составляет более 20 %.

III. Третий тип соответствий состоит в том, что английский трехчленный термин передается одним русским сложным словом, где первый компонент обозначает предмет, при помощи которого (или над которым) производится действие, а второй компонент, за вычетом суффикса, представляет собой основу глагола, обозначающего производимое действие. Все слово оформляется одним из суффиксов, означающим деятеля, в том числе механического (-тель, -чик, -ка): steam-drying machine *паросушитель*, track-laying machine *путеекладчик*, potato-peeling machine *картофелечистка*. На этот тип соответствий приходится менее 5 %.

IV. В ряде случаев русское наименование представлено двучленным термином. Кроме слов *станок*, *машина* и т. п. наименование включает прилагательное, соответствующее английскому причастию, при этом русское прилагательное может иметь терминологизирующее значение, что дает возможность опустить при переводе первый элемент английского термина: coal-cutting machine *врубовая машина*, rep-

ruling machine *линовальная машина*, tool-grinding machine *заточный станок*. Опускание первого элемента может иметь место и в тех случаях, когда выражаемое им значение перемещается в определяемое слово: impact-testing machine *испытательный копер*. Случаи с опущением первого элемента составили приблизительно 5%.

V. Опускание второго элемента английского наименования в соответствующем русском наименовании происходит чаще всего в сложных словах со вторым компонентом making, а также некоторыми причастиями, выражающими процесс, производимый над предметом, обозначенным первым компонентом: pail-making machine *гвоздильный станок*, core-making machine *стержневая машина*, heel-forming machine *каблучная машина*. В этих случаях второй элемент в русском наименовании оказывается необязательным, так как часть смысловой нагрузки как бы передается третьему элементу: подразумевается, что данное устройство служит для изготовления или обработки предмета, обозначенного первым компонентом сложного слова, а поэтому нет особой необходимости упоминать эти действия в наименовании машины. Это тем более понятно в тех случаях, когда наименование машины конкретизируется, например, ball-forming machine *шариковый пресс*, trench-cutting machine *траншейный экскаватор*.

Случаи с опущением второго элемента составили приблизительно 5%.

Перечисленные пять видов охватывают более 70% соответствий между анализируемыми английскими и русскими наименованиями. Все прочие случаи довольно разнообразны, но каждый из них представлен немногими примерами. В их число входят и весьма редкие случаи полного структурного соответствия, т. е. перевода данных английских образований их русскими словообразовательными аналогами, как например: wood-working machine *деревообрабатывающий станок*, metal-cutting machine *металлорежущий станок*.

Приведем еще несколько примеров соответствий, которые не отражены в вышеописанных пяти типах: fine-boring machine *отделочно-расточный станок*, metal-sawing machine *пила по металлу*, ticket-stamping machine *компостер*. Эти и некоторые другие неклассифицированные нами случаи, даже вместе взятые, составляют гораздо меньшее число соответствий, чем пять описанных выше типов. Необходимо отметить, что пять отмеченных нами типов не только

являются наиболее распространенными, но и выступают как типизированные соответствия, создавая определенные образцы для перевода других сложнопричастных образований, вновь и вновь появляющихся на страницах научно-технической литературы.

В заключение отметим, что выводы, сделанные нами в результате анализа 160 технических наименований, содержащихся в вышеупомянутом «Англо-русском политехническом словаре», не следует автоматически распространять на все английские слова типа «существительное + причастие I», столь часто встречающиеся и в текстах других отраслей науки и техники, а также в общественно-политической и (хотя в значительно меньшей степени) художественной литературе. Вместе с тем даже беглые наблюдения свидетельствуют о том, что соответствия, выявленные на материале наименований типа *tooth-cutting machine* безусловно имеют место и в образованиях совершенно другого лексического состава.

Например, первый тип наблюдается в таких образованиях, как *horse-breeding* *коневодческий*, *insect-eating* *насекомоядный*, *law-giving* *законодательный*, *death-dealing* *смертоносный*, *god-fearing* *богобоязненный*.

Соответствия, характеризуемые опущением в русском наименовании второго компонента, находим в таких сочетаниях, как *bottom-living fish* *донные рыбы*, *fur-bearing animals* *пушные звери*, *record-breaking* *рекордный*.

Опущение первого компонента, как было отмечено выше, встречается редко, например, *cud-chewing animals* *жвачные животные*.

Русские соответствия в виде словосочетания с предлогом *для* (*машинка для ...*), а также в виде сложносuffixальных слов (*путьеукладчик*) характерны, очевидно, именно для технических наименований.

С другой стороны, при обращении к другому лексическому материалу, даже в пределах научно-технических текстов, можно встретить полные структурные аналоги, которые на проанализированном материале встретились лишь в двух случаях: *water-absorbing* *водопоглощающий*, *carbon-containing* *углеродсодержащий*, *heat-generating* *тепловыделяющий*, *coal-mining* *угледобывающий*.

Что же касается многочисленных окказиональных образований, часто встречающихся в современных текстах самых разнообразных жанров, то в русском языке им соответствуют, как правило, причастные обороты или придаточные пред-

ложения: poetry-quoting fanatic *фанатик, цитирующий стихи*, tight-rope-walking tigers *тигры, ходящие по натянутому канату*, the earliest tool-using man *древнейший человек, использовавший орудия труда*, summer-spawning fish *рыба, которая мечет икру летом*, blood-curdling reality *действительность, от которой стынет кровь*.

Таким образом, английским сложным словам типа «существительное + причастие I» соответствуют весьма разнообразные средства русского языка, которые включают и сложные слова того же типа, и (в большинстве случаев) различные структуры, значительно отличающиеся от соответствующих английских слов. Это является одним из подтверждений того, что в словосложении могут действовать как общие для разных языков закономерности, так и закономерности, определяемые национальной спецификой словосложения.

Т. Г. Сеидова
(Москва)

ВЫБОР ЭКВИВАЛЕНТОВ СЕМАНТИЧЕСКИ НЕПОЛНЫХ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Семантически неполные атрибутивные словосочетания, т. е. словосочетания, в которых наблюдается эллипсис одного из его компонентов, чрезвычайно распространены в английском языке, особенно в общественно-публицистической литературе.

Как показывают лингвистические исследования, английскому языку свойственна высокая степень компрессии. Экономичные синтаксические структуры, обусловленные аналитическим строем английского языка, представляют собой одну из наиболее ярких его особенностей.

Семантическая неполнота таких типов атрибутивных словосочетаний, как «существительное + существительное», «прилагательное + существительное» и «прилагательное + существительное + существительное», в которых отсутствуют некоторые компоненты, представляет собой специфическую особенность этих типов словосочетаний.

Необходимо отметить прежде всего, что семантическая неполнота — понятие относительное, выявляемое при сопо-

ставлении аналогичных единиц в разных языках. Известно, что любой естественный язык имеет тенденцию к экспликации (явному словесному выражению) и тенденцию к имплицации (к подразумеванию). Здесь имеются в виду атрибутивные словосочетания, которые при переводе требуют эксплицитного выражения одного из компонентов, имплицитного в исходном языке.

Изучение таких семантически неполных атрибутивных словосочетаний с точки зрения выбора эквивалентов при их переводе на русский язык представляет несомненный интерес для теории и практики перевода.

В настоящей статье мы рассмотрим основные факторы, влияющие на выбор эквивалентов некоторых семантически неполных атрибутивных словосочетаний, а также коснемся основных проблем, с которыми сталкивается переводчик при передаче рассматриваемых словосочетаний.

Прежде всего следует кратко остановиться на основных структурно-семантических особенностях атрибутивных словосочетаний указанных типов.

Конструктивные и семантические признаки словосочетаний типов «существительное + существительное», «прилагательное + существительное» и «прилагательное + существительное + существительное» заключаются в следующем:

1. Словосочетание имеет опорное, стержневое слово, доминирующее над другими словами, подчиненными ему грамматически и семантически, и уточняющими, дополняющими или ограничивающими лексическое значение ведущего компонента. Например:

market — рынок; Common Market — Общий рынок
struggle — борьба; wage struggle — борьба за повышение заработной платы.

2. В словосочетании следует различать ведущий и зависимый компоненты, причем минимальным составом является состав из двух указанных компонентов.

3. Атрибутивные словосочетания типа «прилагательное + существительное» по сравнению с аналогичным типом словосочетаний в русском языке отличаются большей широтой смысловых связей между членами словосочетания. Это проявляется, в частности, в тех случаях, когда прилагательное относится не непосредственно к определяемому компоненту, а через посредство какого-то другого семантичес-

кого компонента. В таких случаях мы называем его «перенесенным прилагательным»¹.

Например, словосочетание nuclear participation мы переводим не *ядерное участие*, а *участие в ядерных силах НАТО*. Все то же самое, но в еще большей степени относится к атрибутивным словосочетаниям типа «существительное + существительное» и «прилагательное + существительное + существительное» с той только разницей, что в русском языке подобные структурные типы отсутствуют.

Например, если нам встретилось словосочетание space programme, то мы должны его перевести как *программа космических исследований*, а не *космическая программа*; словосочетание strike decision следует переводить *решение начать забастовку**, а не *забастовочное решение*. Словосочетание Peace Committee переводится *Комитет защиты мира*, а не *мирный комитет*.

4. Специфической особенностью многочленных атрибутивных словосочетаний типа «прилагательное + существительное + существительное» или «существительное + существительное + существительное» является то, что помимо связей определения с определяемыми существительными, между всеми компонентами словосочетания существуют свои собственные, иногда довольно сложные семантические связи. В качестве иллюстрации последнего положения приведем несколько примеров:

national defence investment — капиталовложения в национальную оборону;

an overwhelming Labour Party conference decision — решение, принятое большинством голосов на конференции лейбористской партии;

unfair labour practices strike — забастовка (протеста) против несправедливого обращения с рабочими;

poll tax states — штаты, в которых существует избирательный налог

Рассмотрим, каким образом восполняются семантически неполные атрибутивные словосочетания указанных типов при переводе их на русский язык, иными словами,

¹ См. О. С. А х м а н о в а. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

* Словосочетание strike decision может иметь 4 варианта перевода в зависимости от контекста, а именно: 1) *решение начать забастовку*; 2) *решение продолжать забастовку*; 3) *решение прекратить забастовку*; 4) *решение бороться против забастовки*.

как происходит выбор эквивалентов исследуемых словосочетаний в плане лингвистическом и плане прагматическом.

Специфика английских словосочетаний типов «существительное + существительное», «прилагательное + существительное» и «прилагательное + существительное + существительное», т. е. их семантическая неполнота за счет выпадения одного или более компонентов словосочетания, а также отсутствие аналогичных по структуре словосочетаний в русском языке вынуждает переводчика прибегать к синтаксической перестройке словосочетания. Рассмотрим такой пример:

Whilst condemning the onerous terms accepted by Heath as a sell-out, an attempt to put the burden of entry on the working class, the Communists also exposed the fundamentally big business nature of the EEC and showed how this also meant that the EEC was a factor perpetuating the *cold-war divisions* in Europe, backing up the *cold-war NATO alliance*.

В этом предложении мы должны обратить особое внимание на словосочетания *the cold-war divisions* и *the cold-war NATO alliance*. Оба словосочетания аналогичны по своей структуре и не имеют структурного соответствия в русском языке. При переводе того и другого мы применяем способ лексического развертывания, т. е. добавляем слова, которые восполняют смысл высказывания. При этом получаем перевод:

Осуждая кабальные условия, принятые Хитом, как предательство национальных интересов и попытку переложить бремя вступления в ЕЭС на рабочий класс, коммунисты разоблачали также природу «Общего рынка» как орудия «большого бизнеса», как фактора, способствующего продлению *раскола, вызванного «холодной войной»* в Европе, и поддержке *военного союза НАТО — другого порождения «холодной войны»*.

В приведенном примере при переводе английского словосочетания *cold-war division* на русский язык мы вводим компонент *вызванный*, который отсутствует в английском словосочетании, но подразумевается. В подобных случаях узкий контекст, т. е. предложение, в котором находится рассматриваемое словосочетание, восполняет его.

Во втором случае, т. е. в переводе словосочетания *военного союза НАТО — другого порождения «холодной войны»*,

мы эксплицируем недостающие компоненты, причем во избежание повторения слова *вызванный*, которое неоправданно со стилистической точки зрения, мы вводим компоненты *другое порождение*. Надо также отметить, что при переводе этого словосочетания мы добавляем компонент *военный*, как определение к слову *НАТО*, для предельной ясности. Здесь мы учитываем экстралингвистическую ситуацию, т. е. то обстоятельство, что союз НАТО является военным, а не каким-нибудь иным союзом.

Рассмотрим еще один пример:

The bourgeois press and other *mass media* in Britain, including BBC, prattle about the aggressive foreign policy of the Soviet Union and other socialist countries.

В процессе перевода мы убеждаемся в необходимости конкретизации понятия *media* в словосочетании *mass media*. Конкретизация понятия, как известно, требует включения дополнительных компонентов. В данном случае такими дополнительными или восполняющими компонентами являются слова *средства* и *информация*, поскольку из контекста ясно, что речь здесь идет о буржуазной прессе и радио.

В своей книге «Перевод и лингвистика» А. Д. Швейцер говорит, что «контекст обычно включает лексические единицы и синтаксические конструкции, которые служат в качестве лексических и синтаксических указателей, позволяющих переводчику сделать вывод о том, в каком именно значении используется то или иное слово или словосочетание»². Указательным минимумом в приведенном выше примере служат слова *the bourgeois press* и *BBC*. Опираясь на указательный минимум, который способствует расшифровке словосочетания, нахождению опущенных компонентов и их восполнению, мы получаем следующий перевод:

Буржуазная пресса и другие *средства массовой информации* в Англии, включая Би-Би-Си, твердят об агрессивности внешней политики Советского Союза и других социалистических стран.

Возьмем еще пример:

Recent *opinion polls* show that the number of such independents while less than that of the officially registered Democratic following, exceeds the Republican register.

² А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. М., 1973, стр. 72.

В этом предложении нас интересует словосочетание *opinion polls*, представляющее собой широко распространенный в газетно-информационном стиле атрибутивный тип «существительное + существительное».

Ввиду отсутствия подобного типа атрибутивных словосочетаний в русском языке, переводчику приходится прибегать к синтаксической перестройке, а именно, в данном случае, к лексическому развертыванию, выражающемуся в добавлении опущенных компонентов. В приведенном примере из контекста становится ясно, что речь идет о регистрации избирателей — сторонников демократов и сторонников республиканцев. Следовательно, автор высказывания имеет в виду *опрос общественного мнения*.

В результате внесенного уточнения мы получаем следующий перевод:

По данным недавних *опросов общественного мнения*, число независимых избирателей, хотя и уступает числу официально зарегистрировавшихся демократов, но уже превышает избирательные списки республиканцев.

Таким образом, очень часто необходимость в синтаксической перестройке возникает в силу структурных расхождений между ИЯ и ПЯ.

В ряде случаев, где не требуется синтаксическая перестройка, переводчик сталкивается с трудностями прагматического характера, сущность которых заключается в разной степени осведомленности у читателей или слушателей подлинника и читателей или слушателей перевода.

В подобных случаях мы имеем дело с прагматически обусловленной семантической неполнотой.

В книге «Перевод и лингвистика» А. Д. Швейцер пишет, что в деятельности переводчика «...знание конкретной обстановки, в которой протекает данный акт двуязычного общения, а также ситуации, описываемой в переводимом сообщении, играет не меньшую роль, чем владение навыками перевода в пределах той или иной пары языков»³.

В качестве иллюстрации сказанного приведем следующий пример:

The attacks on the news media and their confrontations with law enforcement agencies did succeed in demonstrating that the press could not count on the blanket guarantee freedom contained in *the First Amendment*.

³ А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. М., 1973, стр. 30.

Обратим внимание на словосочетание the First Amendment. Если мы просто переведем его словосочетанием *первая поправка*, то русскому читателю такой перевод едва ли будет вполне понятным без соответствующих пояснений. Для того, чтобы стало абсолютно ясно, о какой поправке идет речь, очевидно необходимо включение в текст дополнительной информации. Здесь, руководствуясь нашими знаниями реальной американской действительности для восполнения семантически неполного словосочетания, мы добавляем компоненты *конституция Соединенных Штатов*, и получаем перевод:

Нападки на прессу и ее конфликты с судебными и полицейскими властями убедительно демонстрируют тот факт, что пресса не может полагаться на гарантии свободы печати, провозглашенные в *Первой поправке конституции Соединенных Штатов*.

Приведем еще один пример:

That is why *the loss of sovereignty* in joining the Common Market is of such vital concern to the working class.

Вот почему *угроза потери суверенитета*, связанная со вступлением в «Общий рынок», вызывает такую острую озабоченность рабочего класса.

Обратим внимание на восполнение такого, казалось бы, простого до своей синтаксической структуре словосочетания как *the loss of sovereignty*. Если мы переведем его как *потеря суверенитета*, то формально этого будет достаточно. Однако переводчик правильно вводит компонент *угроза*, исходя из своего знания ситуации, в которой была написана данная статья. Дело в том, что автор высказывания писал о потере суверенитета Англией в случае ее присоединения к «Общему рынку» еще до вступления Англии в «Общий рынок» и, следовательно, речь шла о предстоящей потере суверенитета.

Таким образом, из всего сказанного можно сделать вывод, что при переводе семантически неполных атрибутивных словосочетаний типов «существительное + существительное», «прилагательное + существительное» и «прилагательное + существительное + существительное», мы сталкиваемся с трудностями как лингвистического, так и прагматического плана.

При восприятии и переводе таких словосочетаний необходимо связывать воедино лингвистические и экстралингвистические аспекты.

Проблема выбора варианта перевода представляется подчас весьма сложной и требует от переводчика умения правильно ориентироваться не только в собственно лингвистических особенностях того или иного явления, но и ясно представить себе прагматическую сторону рассматриваемого явления. Знание конкретной обстановки двуязычного общения, знание ситуации, описываемой в переводимом сообщении, достаточное знакомство с предметом — все эти факторы играют не меньшую роль, чем владение навыками перевода в пределах той или иной пары языков.

Д. И. Ермолович
(Москва)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Многочисленные вышедшие в Советском Союзе двуязычные словари, которые в настоящее время уже не могут составляться без солидной теоретической основы, тем не менее встречают большое количество упреков со стороны тех, кто пользуется этими словарями, и в первую очередь, переводчиков и изучающих язык. Недостаткам двуязычных словарей посвящены, например, статьи В. Беркова «О словарных переводах»¹ и Н. Фельдмана «Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях»². Такими недостатками В. Берков и Н. Фельдман обоснованно считают беспорядочность подачи переводов, смешение синонимов и недостаточное выявление различий между ними, ложную полисемию и ложную фразеологию (т. е. искусственно создаваемую иллюзию многозначности слова или идиоматичности выражения), отсутствие стройной системы передачи стилистического компонента значения и, наконец, излишне строгую неэнциклопедичность издаваемых у нас словарей.

Однако все эти недостатки так и останутся в словарях до тех пор, пока они будут преследовать цель подыскивать уже готовые эквиваленты, которые переводчик мог бы без раздумий переносить в свой перевод. Такая задача не разрешима в принципе. Ведь количество окказиональных значений слова, проявляющихся в каждом конкретном контексте, бесконечно, и так же бесконечно велико может быть и количество контекстуальных переводов, что, в конечном счете, и создает возможности для творчества, делая перевод искусством. Словарь же и может, и должен описывать лексическую систему языка, а не лексику речи.

¹ В кн.: «Мастерство перевода», сб. 8-й, М., 1971.

² В кн.: «Лексикографический сборник», вып. I, М., 1957.

Как указывал акад. Л. В. Щерба, словарь должен системно описать значение слова в языке, во всей его полноте, не прибегая к подмене иностранных слов русскими, так, чтобы переводчик понял это слово, уяснил его значение и уже сам искал наиболее удачный вариант перевода.

Итак, двуязычный словарь должен средствами родного языка возможно более полно и точно описать языковое (узуальное) значение слова иностранного языка.

Но с другой стороны, разрыв между узуальным и окказиональным значением может оказаться столь велик, что вывести контекстуально-речевое значение слова (и его перевод) из языкового будет затруднительно. Кроме того, для каждого слова существует наиболее характерное для него речевое окружение, без которого подчас невозможна удовлетворительная характеристика данного слова. Другими словами, при составлении словаря нельзя не учитывать словоупотребления, одну из важнейших характеристик семантической ценности слова в языке. Минимальным контекстом, в котором эта характеристика выражена, является словосочетание. Как указывает проф. И. Р. Гальперин в предисловии к «Большому англо-русскому словарю», «функциональные и семантические потенции слова полнее всего выявляются при его употреблении в качестве компонента словосочетания и предложения. Поэтому задача словаря не должна ограничиваться перечислением слов и их значений»³.

Таким образом, создается противоречие, вытекающее, в конечном счете, из противоречия между языком и речью, между парадигматическими и синтагматическими отношениями в семантике: с одной стороны, словарь не может не быть языковым, с другой стороны, он должен быть также и словарем словосочетаний, которые являются единицами речи.

Выход из этого противоречия может быть найден, очевидно, следующим образом: единицей языка, соответствующей словосочетанию в речи, является модель словосочетания, указывающая на грамматическую и лексическую валентность слова.

К тому же собственно выводу пришли и составители «Большого англо-русского словаря»: «В Словаре, — отмечается в предисловии, — сделана попытка дать модели и наиболее характерные образцы английских словосочета-

³ «Большой англо-русский словарь». М., 1972. Введение, стр. 12.

ний»⁴. К сожалению, в этом словаре лексико-грамматическая модель не выделена в узловую единицу организации словарной статьи. А сделать это, пожалуй, нужно.

Для проверки эффективности такого способа организации словарной статьи, при котором в основу кладется не только выделение различных значений иностранного слова, но и набор лексико-грамматических моделей словосочетаний с этим словом, была сделана пробная словарная статья для слова *interest*, отличающегося многозначностью и высокой употребительностью (особенно в общественно-политической литературе). Работа над этой статьей велась следующим образом.

Весь иллюстративный материал для удобства и быстроты работы выбирался почти исключительно из существующих словарей, как общих, так и специальных словарей общественно-политической лексики. Конечно, в процессе работы над непосредственным составлением словаря (например, словаря общественно-политической лексики) необходимо будет использовать не только лексикографические, но, в основном, литературные источники (современные газеты, журналы, публицистику). Однако на данном этапе необходимо было проверить главным образом структурно-семантические принципы организации материала. Были использованы следующие словари:

1. "The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles", 3rd ed., Oxford, 1962.

2. "Webster's Third New International Dictionary of the English Language". Springfield, Mass, 1967.

3. "The American Heritage Dictionary of the English Language". Boston, 1970.

4. G. E r d s i e k und C.-E. D i e t l. Wörterbuch für Recht, Wirtschaft und Politik mit erläuternden und rechtsvergleichenden Kommentaren. (English-Deutsch Dictionary of Legal, Commercial and Political Terms), 2 Bd., Hamburg, 1964.

5. G. H a e n s c h. Dictionary of International Relations and Politics (German — English/American — French—Spanish), Amsterdam, 1965.

6. M. M a n s o o r. English-Arabic Dictionary of Political, Diplomatic and Conference Terms, N. Y., 1961.

7. В. К. М ю л л е р. Англо-русский словарь. Изд. 14-е, М., 1969.

⁴ Там же.

8. «Большой англо-русский словарь» под ред. проф. И. Р. Гальперина. М., 1972.

9. Е. Е. Израилевич. Англо-русский общезкономический и внешнеторговый словарь. Изд. 3-е, М., 1972.

10. В. Б. Войнич-Няньковский. Англо-русский словарь военных, технических, политических и экономических терминов. М., 1926.

11. С. Бабаев и др. Краткий англо-азербайджанско-русский политический словарь. Баку, 1965.

Следует отметить, что для пробной статьи был использован почти весь иллюстративный материал на слово *interest* из всех указанных словарей, и тем не менее она получилась не слишком большой по объему, едва не уступая статьям некоторых из этих словарей.

Прежде всего были выделены различные значения слова *interest*. Это было сделано интуитивно, но последующие этапы работы позволили уточнить полисемию слова *interest* (об этом будет сказано ниже). Первоначально было выделено 12 значений. Затем все имеющиеся словосочетания со словом *interest* были распределены по этим 12 значениям, в зависимости от того, какое значение реализуется в каждом словосочетании.

Далее, словосочетания, имеющие одинаковую синтаксическую структуру, были сведены в синтаксические модели (внутри каждого значения)⁵.

И наконец, внутри каждой синтаксической модели словосочетания, обнаруживающие семантическую общность, были также сгруппированы и образовали лексикограмматические модели.

Существительное *interest* обнаружило способность выступать в употребительных сочетаниях⁶ в следующих функциях:

1) с определением: а) выраженным прилагательным или причастием; б) выраженным существительным в атрибутивном употреблении

⁵ Важность указания на синтаксические связи слов при выделении значений слова убедительно доказана на материале русских толковых словарей Н. З. Котеловой, которая отмечает, что подчас «та или иная синтаксическая связь — единственный признак, на который можно опереться при выделении значений» (Н. З. Котелова. Указания на синтаксические связи слов в толковом словаре как средство разграничения смысловых различий. «Лексикографический сборник», вып. I, М., 1957).

⁶ Под «употребительными» здесь понимаются сочетания устойчивые (не обязательно фразеологические) и такие свободные, которые наиболее наглядно характеризуют семантическую валентность слова.

- 2) с предложным дополнением
- 3) как препозитивное определение
- 4) с предлогом: а) как постпозитивное определение;
- б) как предикатив
- 5) как дополнение: а) предложное; б) беспредложное
- 6) с предлогом — как обстоятельство
- 7) в особом сочетании, имеющем функцию предлога

Были отмечены также особые случаи употребления слова *interest* в качестве подлежащего фразеологизированного предложения.

Каждое значение имело не все указанные здесь модели, а лишь часть их, причем не менее важной характеристикой, чем синтаксическая структура, для них являлась структура семантическая.

Очень важно отметить, что именно благодаря лексико-грамматическим моделям стало возможно более или менее объективно уточнить правильность выделенных значений слова *interest* на основе следующих критериев:

- а) набора синтаксических моделей в каждом значении;
- б) содержания этих моделей, т. е. их лексического наполнения.

Совершенно ясно, например, что если набор лексико-грамматических моделей в двух значениях слова получился одинаковым, а сами эти модели по компонентам, отличным от заглавного слова, статьи, семантически близки друг другу, то незакономерно выделение словарем двух разных значений вместо одного.

Такие случаи действительно имели место при работе над пробной статьей: 12 первоначально выделенных значений после анализа лексико-грамматических моделей пришлось «укрупнить» в 8 значений.

Например, первоначально рассматривались как различные значения 'интересы, польза' и 'интерес, расчет получить выгоду', но так как выделенные модели ни по набору, ни по своему содержанию не отличались в каждом из этих «значений», стало ясно, что разбивать их нельзя, это одно и то же значение.

Выяснился и еще один любопытный факт. Оказывается, если по набору моделей (т. е. по первому указанному признаку) два «значения» слова взаимно дополняют друг друга, их тоже можно объединить, при условии, конечно, что эти два «значения» друг другу близки.

Так, первоначально значения 'проценты, процентный доход' и 'излишек, добавка' рассматривались как различ-

ные. При анализе лексико-грамматических моделей было замечено, что если во втором из этих значений выделена только одна фразеологическая структура (а именно: как обстоятельство с предлогом: *with interest* — *с избытком, с лихвой*), то в первом значении как раз такой не оказалось, и налицо было явление, называемое дополнительной дистрибуцией. Эти два употребления слова *interest* не могут не относиться к одному значению, так как они не образуют оппозиционную пару.

Кроме того, анализ грамматической структуры моделей позволил выделить в каждом значении грамматические особенности слова, которые в 6 случаях из 8 не совпадают с грамматическими особенностями других значений. Так,

в 1-м значении — *интерес* ('любопытство'; 'внимание') — слово употребляется только в единственном числе;

во 2-м значении — *интересы* ('польза', 'выгода'); *интерес* ('расчет') — чаще употребляется множественное число;

в 3-м значении — *интересы* ('запросы') — только множественное число;

в 4-м значении — *денежное участие* — слово выступает как исчисляемое;

в 5-м значении — *те, кто контролирует положение* — множественное число, с определенным артиклем;

в 6-м значении — *имущественные права* — значение единственного числа равно значению множественного числа;

в 7-м значении — *процентный доход*; *проценты* — только в единственном числе;

в 8-м значении — *влияние* ('авторитет', 'воздействие') — слово выступает как неисчисляемое.

Такая грамматическая характеристика представляется лишним подтверждением правильности выделенных значений.

Возникает вопрос: какими средствами раскрывается значение слова? Переводы на русский часто затуманивают значение слова и даже, как отмечал Л. В. Щерба в отношении традиционных «переводных» словарей, искажают их истинный облик, давая «совершенно фальшивое понятие о словах данного языка»⁷. Другая крайность — толкование слова — часто не более информативна, чем простой перевод на русский язык, особенно когда мы имеем дело с полными или частичными эквивалентами. Наиболее целесообразно, очевидно, комбинировать эти методы, не забывая, по-прежне-

⁷ Л. В. Щ е р б а. Русско-французский словарь. М., 1969, стр. 6.

му, что цель словаря — не давать готовые варианты на все случаи жизни, а правильно раскрыть значение слова, подтолкнув тем самым переводчика на верный путь отыскания переводов.

Из отсутствия взаимно-однозначного соответствия между словами двух языков не следует их несопоставимость и несоизмеримость. Понятия, с которыми соотносятся слова двух различных языков, могут

1) совпадать (напр., *frequency частота*); в этом случае значение иностранного слова толкуется значением русского (именно толкуется, а не переводится: переводчику указывается не на универсальный перевод, а на объем значения слова, из которого он должен исходить в работе над поиском перевода);

2) иметь общую область. Здесь могут встретиться следующие случаи:

а) значение иностранного слова может равняться сумме значений нескольких русских. Это и отражается словарем, например, в такой форме: *strawberry клубника-земляника* (точка равносильна знаку суммирования);

б) значение иностранного слова может равняться объему значения, общему у нескольких русских слов: *inane пустой, бессмысленный* (запятая равносильна знаку пересечения);

в) значение иностранного слова уже по объему какого-либо русского слова — вводится толкование или объяснение, суживающее, ограничивающее объем русского слова (например, в скобках): *assassinate (предательски, из-за угла) убивать*;

г) наконец, часть значения или всё значение иностранного слова может охватывать понятие, не соотносящееся ни с одним словом в русском языке — тогда необходимо это значение раскрыть чистым толкованием, например, *toffy конфета из сахара и масла*.

Именно через такое «сложение» и «вычитание» объемов значений, а точнее через анализ и синтез значений русских слов, и были раскрыты все 8 значений слова *interest* в пробной статье⁸.

⁸ Аналогичная точка зрения на проблему раскрытия значения слова в словаре высказывается, например, Н. И. Фельдманом, который предлагает, при отсутствии полного эквивалента, применять пометы (т. е. уточнения, пояснения), передавать значения иностранных слов через совокупность значений русских переводов и т. д. (Н. И. Ф е л ь д м а н. О границах перевода в иноязычно-русских словарях. «Лексикографический сборник», вып. II, М., 1957).

Итак, каждое значение снабжено пометами грамматических особенностей (если таковые имеются) и толкованием данного значения средствами русского словаря.

Внутри же каждого значения статья организуется следующим образом. Перечисляются (в порядке, указанном выше) те синтаксические модели, по которым слово в данном значении образует словосочетания, причем каждая синтаксическая модель может иметь по несколько лексико-грамматических моделей, например:

INTEREST, *n*

Интерес (любопытство, внимание)

1. *sg.*

1) с определением

Adj₁ степень проявления:

keen, great; intense + ~

Abj₂ область проявления:

public; general + ~

Как видно, каждая модель снабжена примерами. Иногда то место в модели, которое может быть замещено словами какого-либо семантического поля, дополняется пояснением на русском языке, указывающим на это семантическое поле (как в вышеприведенном примере); в тех случаях, когда ряд примеров сам с достаточной ясностью укажет на это семантическое поле, такое пояснение не приводится, например:

2. чаще *pl.*

Интересы (польза, выгода).
Интерес (расчет)

. . .

3) дополнение

Vb: represent; attend to;

act for; protect, safeguard,

see to, look after + the ~ s

of + N.

Приведенные в модели глаголы с прозрачностью обна-
руживают свою семантическую общность.

Так как каждая модель представлена конкретными примерами (образцами, по выражению проф. И. Р. Гальперина), то естественно дать перевод этих примеров, благо на уровне словосочетаний почти всегда можно найти более или менее удачный эквивалент. Хотелось бы предостеречь читающих от мысли, что даются переводы моделей; установить

соответствия между речевыми моделями в разных языках так же невозможно, как и между словами, но отчего не перевести примеры, иллюстрирующие сочетаемость слова?

Нетрудно при этом применить такую систему организации русских переводов, которая по компактности не уступала бы системе подачи английских моделей и одновременно позволяла бы совершенно определенно находить русский перевод каждого приведенного в словарной статье образца (примера). Это легко достигается использованием знаков препинания и скобок, хотя подробно останавливаться на этом здесь, очевидно, нет смысла. Например:

7. sg.	Процентный доход. Проценты (как денежная сумма)
. . .	
3) с предл. дополнением ~ on + N: a (bank) loan; principal; judgment; arrears; debts; bonds	проценты {по банковскому займу; на капитал; на присужденные суммы}; проценты, пени за просрочку; процен- ты по {долгам; облигационным займам}

Таким образом, внутри каждого значения даются синтаксические, лексико-грамматические модели, примеры и их переводы.

Основными узлами словарной статьи, следовательно, стали:

- а) значение (одно из значений, если слово полисемично)
- б) грамматическая характеристика слова, употребляемого в этом значении
- в) передача этого значения посредством анализа или синтеза значений русских слов
- г) синтаксическая модель
- д) лексико-грамматическая модель
- е) примеры реализации модели в речи
- ж) переводы этих примеров.

Резонно будет поставить и такой, наконец, вопрос: какую конкретную пользу может дать подобная схема с точки зрения эффективности словаря? Не приведет ли она к перенасыщению словаря формальными элементами, лингвистическими пометами, значками и т. п.?

Преимущества такой схемы состоят, как нам представляется, в следующем.

1. Начать хотя бы с того, что материал статьи подается более или менее компактно, что вполне компенсирует введение в текст дополнительных обозначений и указаний.

Хочется опять подчеркнуть, что в составленную статью вошел весь или почти весь материал из 11 указанных словарей, и тем не менее ее размер — это обычный размер статьи более или менее подробного словаря.

2. Далее, нельзя такому расположению материала отказывать и в некоторой системности, что хорошо уже само себе, а кроме того, позволяет бы с т р е е отыскивать нужные словосочетания в статье. Возьмем, например, «Большой англо-русский словарь». Вся статья здесь дана сплошным нерасчлененным текстом. Словосочетания даются: а) под соответствующими значениями; б) за знаком «змейка» в конце словарной статьи; в) за знаком «ромб» после выражений, отмеченных «змейкой». Причем в каждом случае не применен даже алфавитный порядок. При свойственном словарю стремлении к полноте подачи материала это осложняет пользование им.

Предлагаемый принцип позволит, как нам кажется, быстро находить словосочетания (модели) нужной структуры. Например, если необходимо найти сочетание to excite interest, пользующийся словарем будет искать его только под номерами моделей, помеченных «доп.» (в функции дополнения), и пропускать остальные, не читая.

3. Даже если какое-либо конкретное словосочетание не приведено в словаре (например, bond interest), то найдя соответствующую лексико-грамматическую модель, переводчик сможет определить значение слова с высокой точностью. В данном случае, например, найдя модель:

N attr.: loan; mortgage; debit; credit + ~	проценты по {займу; залладной}; {банковский; ссудный} процент
---	--

и выяснив, что слово bond принадлежит к тому же семантическому полю, что и loan, mortgage и т. д., он сможет с уверенностью определить значение слова interest в этом сочетании как 'проценты, процентный доход', а русские переводы образцов, кроме того, могут подсказать ему и способ перевода всего сочетания: bond interest *проценты по облигационным займам*.

4. И наконец, более или менее полная и системная иллюстрация употребления слова имеет большое значение для изучающих иностранный язык, указывая им механизм порождения высказываний на этом языке. Да, кроме того, и переводчик — это человек, постоянно изучающий язык, и словарь должен ему в этом всемерно помогать.

В. ВОПРОСЫ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

В. А. Голенков, Е. Н. Сладковская
(Москва)

ВЕХИ СМЫСЛОВОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Одним из основных условий построения модели синхронного перевода (далее СП) представляется описание процесса перекодирования речевого сообщения и его репрезентации на другом языковом коде.

Синхронный переводчик, находясь в отношениях речевой коммуникации одновременно с двумя «собеседниками» — оратором и аудиторией, — совершает сложное речевое действие, которое может быть представлено поэтапно в следующем виде: «этап анализа последовательности речевых актов на ИЯ, этап преобразования воспринятого сообщения и этап реализации акта перевода в виде последовательности речевых актов на ПЯ»¹. Причем первый этап акта СП можно рассматривать как сложную операцию фонематического, семантического и синтаксического анализа поступающего сообщения на ИЯ, от успешного выполнения которой в значительной степени зависит дальнейшее протекание СП.

Изучение семантического аспекта первого этапа акта СП было предпринято одним из авторов на материалах первого эксперимента, проведенного экспериментальной группой исследования СП в МГПИИЯ им. М. Тореза в 1970². Настоящая работа представляет собой краткое описание следующего этапа исследований с целью изучения механизмов семантического анализа текста оригинала в процессе СП³.

¹ Г. Чернов. Экспериментальная проверка одной модели. «Тетради переводчика», № 8, 1971, стр. 55—60.

² См. Е. Сладковская. Прогнозирование на уровне цели высказывания. «Тетради переводчика», № 8, 1971, 61.

³ Подробное изложение эксперимента см. в дипломной работе В. Голенкова на тему: Определение ключевых элементов текста при СП. МГПИИЯ им. М. Тореза, 1972.

Поскольку данное исследование было задумано как непосредственное продолжение ранее начатого, нам представилось целесообразным провести его на том же текстовом материале, который был использован в первом эксперименте, с тем чтобы иметь возможность сравнить полученные результаты с уже имевшимися.

Для удобства приводим анализируемый текст и его перевод, выполненный письменно, а также некоторые результаты первого эксперимента.

1. Permit me, Mr President to begin my intervention by performing a pleasant duty — that of congratulating You upon Your election to this very high post.
2. I would fail in my mission as a representative of a people whose destinies we have come here to discuss, had I not done so.
3. Your election to this highest office in the international community should be regarded as a recognition by this very same international community of Your personal qualities as a diplomat, as a statesman well versed in settling delicate situations.
4. Not that I can agree with all the methods of settling delicate situations that You have offered us as a representative of Your country, but this is another matter.
5. You have not come to New-York to serve Your country, You are now an impartial and objective umpire of our procedures and as such I wish You every success in this new undertaking in Your brilliant career.
6. I do not have to go into any further detail when offering Your Excellency our formal congratulations.

Господин председатель, позвольте мне начать свое выступление с выполнения приятной обязанности, а именно, с поздравления Вас по случаю избрания на этот высокий пост.

Я бы не исполнил своего долга, долга представителя народа, судьбу которого мы собрались здесь обсудить, если бы не сделал этого.

Ваше избрание на этот высокий пост в международной организации следует считать признанием ею Ваших личных качеств дипломата и государственного деятеля, имеющего большой опыт в урегулировании сложных ситуаций.

Не могу, однако, сказать, что согласен со всеми методами урегулирования сложных ситуаций, предложенными Вами как представителем своей страны. Но это уже другой вопрос.

Вы прибыли в Нью-Йорк не для того, чтобы служить интересам своей страны. Здесь Вы являетесь беспристрастным и объективным судьей нашей процедуры, и я желаю Вам всяческих успехов и в этом новом деле в Вашей блестящей карьере.

Однако мне нет необходимости вдаваться в дальнейшие подробности, выражая Вашему Превосходительству наши официальные поздравления.

7. And I hope You will not bear any grudge against the old man. 8. We are all getting older, older and wiser men, as my Anglo-Saxon friends love to say. 9. It does not mean, of course, that we may equally say that about countries, about every country represented here. 10. But I will touch upon that matter later, when I pass to the substantive part of my intervention. 11. To dwell on that matter now would be a sign of bad timing, and timing is very important at my age, when one is in a hurry knowing that there is not so much time left for you.	Я надеюсь, Вы не станете обижаться на меня, старика. Мы все становимся старше, старше и мудрее, как любят говорить мои друзья-англичане. Это не значит, конечно, что мы можем сказать то же самое и о странах, о каждой стране, представленной здесь. Но я скажу об этом позже, когда перейду к основной части своего выступления. Останавливаться на этом сейчас значит плохо рассчитывать время, а время — очень важный фактор в моем возрасте, когда спешишь и знаешь, что его осталось не так уж много.

Процитированный текст был синхронно переведен на русский язык шестью переводчиками высокого класса, пять из которых, не имея правильной гипотезы относительно мотива выступления оратора, создали переводческие тексты, которые значительно расходились с оригиналом с точки зрения их смыслового содержания⁴. Дело, очевидно, в том, что данный текст противоречив, так как целью выступления оратора является официальное поздравление председателя, а мотив, которым руководствуется оратор, заключается в полном несогласии выступающего с той позицией, которую занимает председатель как представитель своей страны (предложения 2, 4, 5, 7 и 9).

Прогнозирование мотива и цели выступления оратора синхронным переводчиком представляется крайне важным уровнем в иерархии уровней вероятностного прогноза (ВП), обеспечивающим надежность переводческой гипотезы на более низких уровнях. Результаты первого эксперимента полностью подтвердили это предположение.

Но допущенные переводчиком смысловые ошибки, искажения и потери можно было также объяснить затруднениями, вызванными поиском наиболее удачных вариантов, а, следовательно, отставанием, попыткой наиболее кратким путем наверстать упущенное.

⁴ См. Е. Сладковская, указ. соч., стр. 62.

Для того чтобы снять эти возражения, во втором эксперименте мы отказались от СП исследуемого текста и от перевода вообще: а именно мы попытались как бы разложить акт перевода на составляющие его операции, выделив операцию семантического анализа текста сообщения.

Поскольку механизм ВП предполагает «не сплошное» прослушивание переводчиком текста оригинала, а дискретное, в каких-то «ключевых», «опорных» точках⁵, которые субъективно и подсознательно выделяются переводчиком как наиболее информативные для него в речевой непрерывности, и на основе которых строится и подтверждается переводческая гипотеза, мы попытались встать на позицию переводчика и представить текст в виде реферативной цепи⁶ слов и словосочетаний, точно соблюдая порядок их следования в рамках предложений и в рамках целого текста, лишив таким образом текст некоторой семантической и грамматической избыточности. При составлении такой цепи мы пользовались методикой Т. М. Дридзе.⁷

Сравнив полученную реферативную цепь с реферативными цепочками того же текста, выделенными пятью информантами, и убедившись в их совпадении, мы провели первый этап нашего второго эксперимента.

Мы предположили, что если составленную по описанной методике реферативную цепочку предъявить в устной форме группе аудиторов, соблюдая при этом интонационный рисунок предложений, произносимых в связном тексте, то испытуемые письменно восстановят текст при условии, что им будут сообщены некоторые сведения относительно ситуации выступления оратора (где он выступает и по какому поводу). Мы также предположили, что восстановление текста будет сопряжено с определенными трудностями, вызванными противоречивостью текста.

Эксперимент полностью подтвердил нашу гипотезу. Текст был восстановлен всеми пятнадцатью информантами, однако предложения 2, 4, 5, 7, 9, содержащие, на наш

⁵ И. З и м н я я, Г. Ч е р н о в. Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода. В сб.: «Психоллингвистика в СССР». Информационный бюллетень. Об-во психологов СССР, М., 1972.

⁶ См. Т. Д р и д з е. Опыт экспериментального подхода к изучению проблемы информативности публицистического текста. В сб.: «Психологические и психоллингвистические проблемы владения и овладения языком», МГУ, 1969.

⁷ См. Т. Д р и д з е. Автореферат канд. дисс. на тему. «Некоторые семиотические аспекты психосоциологии языка», М., 1969.

взгляд, вербальное выражение мотива оратора, который, как уже было отмечено, находится в противоречии с целью его выступления, вызвали затруднения у информантов: они просили повторить реферативные цепочки этих предложений. Несмотря на возможность неоднократного прослушивания, некоторые из указанных предложений были восстановлены с искажениями или совсем опущены.

Полученные результаты мы сравнили с результатами первого эксперимента и свели их в две таблицы, используя следующие условные обозначения:

(+) — адекватный перевод/реструктурирование;

(—) — отсутствие перевода/реструктурирования и смысловые искажения;

(+") — перевод/реструктурирование с незначительным пропуском, не влияющим на общий смысл предложения.

I эксперимент

перевод № предл.	I	II	III	IV	V	VI
1	+	+	+	+	+	+
2	+"	—	—	—	+"	+
3	+	+	+"	+	—	+
4	—	—	—	—	—	+"
5	—	—	—	—	—	+"
6	+	+	+	—	+	+
7	—	—	—	—	—	+
8	+"	+	—	+	+	+
9	+	+	—	—	—	—
10	—	+	+	+"	+	—
11	—	+	+	+	+	+

II эксперимент

аудитор. № предл.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV
1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4	+	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
7	+	-	-	+	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-
8	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	-	+	+
9	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	-
10	+	+	-	+	-	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+
11	-	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	+

В приведенных таблицах линейное расположение представляет собой как бы «срез» процесса перевода/реструктурирования, а вертикальное — репрезентирует каждый индивидуальный переводческий (таблица I) и аудиторский (таблица II) текст как законченное целое.

Сравнение данных двух таблиц приводит к выводу о том, что ошибки переводчиков и информаторов-аудиторов приходятся, в основном, на одни и те же предложения (см. 2, 4, 5, 7 и 9). Анализ этих ошибок еще раз указывает на важность правильного прогноза на высшем уровне иерархии ВП, а также на правильность нашего предположения о том, что противоречивый текст воспринимается труднее. Поскольку гипотеза наших аудиторов относительно цели и мотива выступления оратора сформировалась, очевидно, после получения ими реферативной цепи первого предложения, они, так же как и большинство переводчиков, участвовавших в первом эксперименте, подсознательно настрои-

лись на поздравление в адрес председателя. Их гипотеза носила довольно устойчивый характер, и предложения, содержащие осуждение позиции председателя, не были восприняты или воспринимались с искажениями.

Исключение составляет один аудитор (IV), правильность гипотезы которого можно объяснить большим опытом работы в международных организациях в качестве синхронного переводчика.

Для проведения следующего этапа экспериментального исследования процесса восприятия текста в условиях близких к условиям СП мы воспользовались теорией семантического анализа текста, предложенной Т. М. Дридзе в ее кандидатской диссертации на тему: «Некоторые семиотические аспекты психосоциологии языка». Особый интерес представляет для нас метод выделения разнопорядковых предикаций текста, разработанный Т. М. Дридзе. Здесь особо важно отметить, что, с точки зрения Т. М. Дридзе, «предикативная и логическая структура текста — это две совершенно различные вещи. Возможность выделения предикативной структуры текста отнюдь не означает наличия четкой логической схемы. Логика развертывания текста проверяется непрерывностью (или прерывистостью) его основной логической цепи. Предикативная структура служит вспомогательным средством для выделения названной логической цепи, а также для переструктурирования текста в случае необходимости».⁸

Несколько модифицировав предложенную Т. М. Дридзе иерархию предикаций текста применительно к условиям нашего эксперимента, мы получили следующий предикативный план исследуемого текста:

1. Предикация первого порядка — мотив сообщения. (В нашем тексте — осуждение оратором позиции председателя.)
2. Предикация второго порядка — цель сообщения. (У нас — формально-поздравительная часть выступления.)
3. Фоновая предикация. (В нашем тексте — те его фрагменты, которые могут относиться как к первой, так и ко второй предикациям.)

Поскольку мы считаем, что предикации текста имеют вербальное выражение и поскольку в нашем случае мотив и

⁸ Т. Д р и д з е. Автореферат канд. дисс. на тему: «Некоторые семиотические аспекты психосоциологии языка», М., 1969, стр. 23.

цель оказались противоречащими друг другу, мы попытались как бы «отделить» мотив от цели в их вербальном выражении, с тем чтобы получить из одного противоречивого текста два предикативно однонаправленных. Сразу оговоримся, что никаких добавлений к оригинальному тексту сделано не было, однако в ряде случаев потребовалась определенная перестройка предложений. Это и легло в основу следующего этапа исследования.

Пять информантов получили следующую инструкцию: «Из данного текста составьте два, при этом предложения, которые могут относиться только к формальному поздравлению в адрес председателя включите в один текст, а предложения, содержащие осуждение его позиции — в другой. При наличии в тексте предложений или частей предложений, не указывающих ни на первое, ни на второе, попытайтесь отнести их к обоим текстам. Перестройка предложений разрешается. Добавления к текстам не разрешаются».

В результате этого этапа мы получили ряд законченных однонаправленных текстов. Ниже приводим пример двух текстов, смоделированных одним информантом.

I. Формально поздравительный текст.

1. Permit me, Mr President, to begin my intervention by performing a pleasant duty — that of congratulating You upon Your election to this very high post. 3. Your election to this highest office in the international community should be regarded as a recognition by this very same international community of Your personal qualities as a diplomat, as a statesman well versed in settling delicate situations. 5. ... I wish You every success in this new undertaking in Your brilliant career. 6. I do not have to go into any further detail when offering Your Excellency our formal congratulations. 8. We are all getting older, older and wiser men, as my Anglo-Saxon friends love to say. 10. But I will touch upon this matter later, when I pass to the substantive part of my intervention. 11. To dwell upon that matter now would be a sign of bad timing and timing is important at my age, when one is in a hurry, knowing that there is not so much time left for you.

II. Текст, осуждающий позицию председателя.

- 1 + 2. Mr President, I would fail in my mission as a representative of a people whose destinies we have come here to discuss had I not congratulated You upon Your

election to this very high post. 4. Not that I can agree with all the methods of settling delicate situations that You have offered us as a representative of Your country, but this is another matter. 5. You have not come to New-York to serve Your country, You are now an impartial and objective umpire of our procedures... 6. I do not have to go into any further detail when offering Your Excellency our formal congratulations. 7. I hope You will not bear any grudge against the old man. 8. We are all getting older, older and wiser men as my Anglo-Saxon friends love to say.⁹ 9. It does not mean, of course, that we may equally say that about countries, about every country represented here. 10. But I will touch upon that matter later, when I pass to the substantive part of my intervention. 11. To dwell upon that matter now would be a sign of bad timing and timing is important at my age, when one is in a hurry, knowing that there is not much time left for you.

Представляет, по нашему мнению, большой интерес тот факт, что двое из пяти информантов, участвовавших в этом этапе эксперимента, отнесли одни и те же предложения или части предложений к одному тексту, а трое других сумели использовать их в обоих текстах. Таким образом, мы получили четкое выделение **фоновой предикации**.

На последнем четвертом этапе нашего эксперимента мы предположили, что если по уже использованной методике выделить реферативные цепочки слов и словосочетаний, которые можно назвать предикативными, в двух смоделированных текстах, то эти тексты будут восстановлены информантами с легкостью, причем незнание экстралингвистических факторов — ситуации выступления оратора — не повлечет за собой серьезных ошибок.

Результат эксперимента полностью подтвердил высказанное предположение. Опрос информантов после эксперимента показал, что тексты восстанавливаются легко, причем второй легче, чем первый.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что смоделированные и реструктурированные тексты представляют собой тексты искусственно созданные, извлеченные из оригинального текста и, следовательно, отличные от него прежде всего по своей предикативной, логической и семантической структуре. Но тот факт, что подобное извлечение оказалось возможным и не потребовало никаких добавлений к оригина-

нальному тексту, если не считать добавлениями сделанные перестройки, показывает, что текст как продукт речевой деятельности человека разложим на некоторые составляющие, представляющие вербальное выражение психологических факторов, лежащих в основе речевой деятельности⁹.

В результате всех проведенных экспериментов мы пришли к следующим выводам:

1. Восстановление текста аудиторами по реферативным цепочкам слов и словосочетаний текста возможно, а значит синхронный переводчик может опираться не на весь текст, а на определенные «ключи», которые он подсознательно выбирает из текста как наиболее информативно значимые, при условии, что экстралингвистические факторы ему известны; возможность такого «несплошного» прослушивания текста оригинала может быть объяснена механизмом ВП, представляющим собой иерархию уровней прогноза от самого высокого — прогноз предикации первого порядка — до самого низкого — прогноз на уровне словосочетания.

2. Ошибки переводчиков и аудиторов при восстановлении текста можно объяснить противоречивостью предикативной направленности текста.

3. Несмотря на существующее мнение о том, что мотивация текста закодирована «во внутреннем подтексте», «внутреннем смысле передаваемого сообщения», для декодирования которого необходимо обращение к «смысловой ситуации» и освоение ее¹⁰, мы, не отрицая этого, считаем возможным выделение мотивационной и целевой направленности, которые находят в тексте свое вербальное выражение. Однако при наличии разнонаправленных предикаций (цель противоречит мотиву) для правильного восприятия текста синхронным переводчиком или аудитором необходима экстралингвистическая информация, обеспечивающая правильную ориентацию в тексте.

4. В случае непротиворечивости текста он воспринимается легче и при этом незнание экстралингвистических факторов не влечет за собой серьезных смысловых ошибок.

5. Представляет интерес выделение фоновой предикации текста, восприятие которой существенно не влияет на адекватное восприятие целого текста.

⁹ Данное исследование не представляется авторам полностью завершенным, а является лишь первым приближением к определению смысловых опорных точек в тексте оригинала при СП.

¹⁰ М. К н е б е л ь, А. Л у р и я. Пути и средства кодирования смысла. «Вопросы психологии», 1971, № 4.

О МЕХАНИЗМЕ ОБРАБОТКИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

В этой небольшой статье хочется высказать несколько замечаний по поводу приложимости «Грамматики для слушающего» Ч. Хоккетта¹ к анализу восприятия синтаксической структуры речевого высказывания, в частности, в процессе синхронного перевода (СП). Именно основные положения работы Ч. Хоккетта используются для анализа процесса переработки синтаксической информации поступающего сообщения в исследованиях по СП, проводимых лингвистами Лейпцигской школы².

На наш взгляд, предложенная Хоккеттом трактовка «механизма снятия синтаксической неопределенности» интересна как довольно абстрактное грамматическое построение, но она слишком схематична и не отражает сущности реального процесса слухового восприятия синтаксической организации поступающего текста. «Механизм снятия синтаксической неопределенности» предполагает дискретный процесс, обработку поступающей синтаксической структуры методом последовательных шагов на одном уровне и осуществление прогноза исключительно за счет выбора равновероятных продолжений (см. критику Хоккетта у А. А. Леонтьева³).

Исходя из принципов «Грамматики для слушающего», Рёмер полагает, что схема ожидания, вырабатываемая синхронным переводчиком в процессе восприятия текста ИЯ, «модифицируется от формата к формату» до некоторого момента снятия синтаксической неопределенности, который и будет являться «идеальным моментом для начала перевода».

Психолингвистические исследования доказали ошибочность подобного подхода к анализу восприятия синтак-

¹ См. Ч. Хоккетт. Грамматика для слушающего. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. IV, М., 1965.

² См. O. Kade, C. Cartellieri. Some Methodological Aspects of Simultaneous Interpreting. «Babel», 1971, No. 2; L. Römer. Einige syntaktische Gesetzmäßigkeiten beim Simultandolmetschen. «Fremdsprachen», 1968. Beihefte II.

³ См. А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969; стр. 60.

сической информации. Эксперименты, проведенные американским исследователем Н. Джонсоном⁴, показали, что слушающий подходит к восприятию языкового материала как к набору уже готовых блоков (pre-integrated units), которые предсказуемы из лингвистической структуры данного языкового материала. Результаты экспериментальных исследований Мелера и Кэри⁵ свидетельствуют о том, что слушающий ожидает определенную синтаксическую структуру и соответственно адаптирует свое фонетико-акустическое восприятие (ср. высказывание по этому поводу д-ра О. Каде: «Синхронный переводчик переводит не то, что он слышит, а то, что он услышал»).

Встает вопрос, каковы же могут быть единицы синтаксической информации в ходе СП, с особой остротой требующего оптимальной и максимально экономной обработки поступающего сообщения. Б. Бенедиктов считает, что это должен быть минимальный отрезок речи, оснащенный синтагматическими отношениями⁶. Правда, он не уточняет своего понимания синтагмы, а о том, что это понятие в лингвистическом плане очень неоднородное, может свидетельствовать тот факт, что в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой перечисление различного рода синтагм занимает целую страницу⁷.

По нашему мнению, такими единицами в процессе СП могут быть структурно-синтаксические блоки, ограниченные с двух сторон фулькрумами (синтаксическими опорными точками)⁸. Экспериментальным путем было выявлено наличие в любом предложении определенных классов слов — показателей, или опорных точек (anchor points), обозначающих начало или конец синтаксических блоков и в первую очередь подлежащих активному восприятию⁹. Такими

⁴ См. N. F. Johnson. The Psychological Reality of Phrase-Structure Rules. «Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour», 1965, No. 6.

⁵ См. J. Mehler and P. Carey; Role of Surface and Base Structure in the Perception of Sentences. «J.V. L. and V.B.», 1967, No. 3.

⁶ См. Б. Л. Бенедиктов. Основные вопросы психологии устного перевода. «Fremdsprachen», 1968/2.

⁷ См. О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, стр. 408.

⁸ См. определение понятия «фулькрум» в работе П. Гарвина. Алгоритм синтаксического анализа «Фулькрум», в сб.: «Автоматический перевод» М., 1971.

⁹ См. T. Gladyne and G. Krull. The Influence of Syntactic Errors on Sentence Recognition, «J. V. L. and V. B.», 1967, v. VI, No. 5.

показателями являются определители, которые отмечают начало и конец именных фраз, предлоги, обозначающие начало предложных сочетаний и т. д.

Вероятно, в процессе приема исходного текста синхронный переводчик не просто переходит от слова к слову до момента снятия синтаксической неопределенности, но делает более крупные шаги от фулькрума к фулькруму. Синхронный переводчик не является пассивным регистратором поступающих элементов сообщения. Напротив, его восприятие характеризуется активностью, максимальным использованием механизма вероятностного прогнозирования¹⁰. Можно предположить, что переводчик строит свой прогноз относительно синтаксической организации поступающих элементов ИЯ от фулькрума к фулькруму, у него, так сказать, вырабатывается установка на первоочередное восприятие именно фулькрумов. Из этого предположения следует, что фулькрумы, как наиболее четко выделяемые и воспринимаемые синхронным переводчиком элементы поступающего текста ИЯ, будут каким-то образом выделяться им и в его речи на ПЯ (при условии возможности сохранить структуру синтаксического блока ИЯ при переходе на ПЯ без нарушения норм последнего).

Для проверки этого предположения мы обратились к экспериментальным данным. Анализ материалов, полученных нами в ходе экспериментального изучения СП, показывает, что паузы в речи переводчика на ПЯ довольно часто приходится именно на фулькрумы, т. е. последние стоят непосредственно после паузы или, что особенно показательно, перед паузой. Надо отметить при этом, что подобная паузировка в большинстве случаев совершенно не отражает паузировку оригинала.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих выделение синхронным переводчиком предлогов, вводящих предложную фразу (примеры взяты из транскрипции речи различных синхронных переводчиков: П₁ — переводчик № 1, П₂ — переводчик № 2 и т. д.).

This Assembly || has increasingly turned its attention || to the great problem || of disparity...

П₁₁ Наша Ассамблея || постоянно обращала свое внимание на || огромную проблему различия...

¹⁰ И. А. З и м н я я, Г. В. Ч е р н о в. Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода. «Психолингвистика в СССР». Инф. бюллетень. Об-во психологов. М., 1972.

The United Nations Conference ||
on Trade and Development ||

... to do anything they want in
pursuit of their national interests

Our attention || has also been
repeatedly drawn || to the stag-
nation in the outflow of finan-
cial assistance to the develop-
ing countries || during the
first half of the Development
Decade

... и осуществляется вручную
с помощью перфокарт

...для ввода содержащейся в
ней информации в память ма-
шины

В связи с указанными обстоя-
тельствами

П₉ Совещание э... конференция
ООН || по || торговле и развитию

П₁₂ ...делать все, что им благо-
рассудится для || удовлетворения
собственных национальных инте-
ресов

П₁ Наше внимание также привле-
чено || за последнее время к || за-
медлению || помощи развива-
ющимся странам за первую по-
ловину декады

П₉...and it is effected ||
manually through || perforated
cards

П₃... for feeding || of the informa-
tion contained in || it into the
memory of the machine

П₁₁ In view || of the above circum-
stances

Аналогичные примеры можно привести относительно
фулькуров иного рода:

whatever special status ||
they may presently have...
this does not in any way ||
imply that we give a licence
to the great powers...

П₁₂ каков бы || ни был их нынеш-
ний статус...

П₁₂ это упоминание ни в коей
мере не означает, что || мы
даем разрешение великим
державам...

Показательны случаи сохранения фулькуров, воспри-
нятых переводчиком из ИЯ, в его речи на ПЯ при семан-
тических и синтаксических сбоях.

...введение в память машины
информации посредством дво-
ичного кода

На первый взгляд эта проб-
лема кажется если не полнос-
тью, то преимущественно ин-
женерной

П₇... introducing || information
into || by double codes into
the memory of the machine

П₁ At first glance it may seem
that if || this problem is a
primarily if not completely
engineering problem

Вышеприведенные примеры свидетельствуют об объек-
тивной реальности опоры на фулькуры при восприятии
синхронным переводчиком структурно-синтаксических
элементов ИЯ и о неосознанном стремлении переводчика
перенести их в той же роли в синтаксическое структури-
рование на ПЯ. Механизм «пофулькурного» восприятия
синтаксической информации, на наш взгляд, точнее отра-

жает работу синхронного переводчика по переработке поступающего сообщения, нежели «Грамматика для слушающего» Ч. Хоккетта. Избыточность языка на всех уровнях, в том числе на уровне синтаксической организации, делает возможным избирательное восприятие, восприятие информативных пиков. К этому каждый носитель языка подготовлен всем опытом своей языковой практики. Для уяснения синтаксической структуры высказывания совсем не обязательно детальный анализ всех элементов текста, пусть даже только на начальном этапе. «...Главное для понимания — это не грамматические признаки слов, а взаимное соотнесение их в потоке речи»¹¹.

✱ Верификация прогноза, осуществляемого, как минимум, от фулькрума к фулькруму, идет по синтаксически информативным пикам, навык восприятия которых должен быть хорошо выработан у достаточно опытного синхронного переводчика. Синтаксические сбои в речи переводчика на ПЯ свидетельствуют о неправильном синтаксическом прогнозе, реализация которого ведет к нарушению норм ПЯ при переходе к последующим элементам текста ПЯ, а также о том, что переводчик в условиях острого дефицита времени не успел произвести соответствующую корректировку, даже если при сличении прогноза с текстом ИЯ он обнаружил свою ошибку.

¹¹ А. А. Л е о н т ь е в. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. М., 1970, стр. 72.

В.П. Берков, Г.В. Степанов
(Ленинград) (Москва)

РУССКО-ИСПАНСКИЙ СЛОВАРЬ¹

Едва ли будет преувеличением сказать, что словарная работа — один из наиболее нужных для широких слоев общества видов деятельности лингвистов. Переводной или двуязычный словарь — это такое пособие, с которым имеет дело практически любой образованный человек. Ошибка в словаре как бы издается тысячекратными тиражами в речи пользующихся им, пропуск в словаре лишает множество людей возможности узнать необходимый им перевод. Поэтому на лексикографа, если не бояться громких слов, ложится большая ответственность перед обществом, перед народами, языки которых он описывает в своем словаре. Лексикограф как бы прокладывает и широкие дороги и мосты, и едва заметные тропинки, дорожки, мостики. От него, лексикографа, в огромной степени зависит, не собьются ли с пути путники, идущие по проложенным им дорогам.

В нашем многонациональном государстве с его обширными международными связями словарная работа ведется с огромным размахом. По этой причине вопросы оптимизации словарей, наиболее рациональной их организации, насыщения их разнообразной информацией, необходимой читателю, весьма актуальны для нас.

Специфика словаря, который, в первую голову, является справочным пособием, состоит, кроме всего прочего, в том, что теоретически оправданные и практически удачные решения в нем не аргументируются. В результате этого многие новые лексикографические решения не становятся достоянием других «словарников», но проходят незамеченными (а ино-

¹ «Русско-испанский словарь». 57 000 слов. Сост. Х. Ногейра и Г. Я. Туровер. М., «Советская энциклопедия», 1967, 975 стр.

гда изобретаются потом заново). Поэтому анализ наиболее интересных и основательных лексикографических пособий — а именно к такой категории словарей бесспорно относится словарь Х. Ногейры и Г.Я. Туровера — является не только оправданным, но и необходимым.

* * *

Рассматриваемый «Русско-испанский словарь» (далее называемый сокращенно РИС) относится к типу так называемых больших переводных словарей (его объем — 161 учетно-издательский лист). Он рассчитан «на самый широкий круг читателей и переводчиков, могущих использовать данный словарь при работе над общественно-политической, художественной и научно-популярной литературой»².

Естественно, успешность выполнения этих обширных функций словарем зависит от того, насколько целесообразно составлен словник словаря, и от степени разработки словарной статьи. В начале рецензии мы остановимся на вопросе словника. Мы сознательно говорим о целесобразном характере словника, а не о его полноте, поскольку в словаре ограниченного (даже большого) объема при выработке словника необходим значительный, строго продуманный отбор: идея словаря-тезауруса едва ли осуществимая даже в многотомных толковых словарях, тем более нереальна в одготомном переводном словаре. Вместе с тем следует признать, что при нынешнем уровне лексикографии (как одноязычной, так и двуязычной) вопрос выработки словника решается только субъективно³ и что решающую роль здесь приобретает наличие у лексикографа твердых принципов в этом вопросе. В целом, словник РИС следует признать удачным и целесообразным. Сказанное, разумеется, не означает, что, с точки зрения рецензентов, в словаре нет некоторого количества специальных слов, едва ли оправданных в словаре общего типа (ср.: *детрит*, *гелиотропизм*, *монохорд*, *фотограмметрия*, *игнитрон*, *уза*, *фритюр*, *эпифора*, *адмисид*, *антаблемент*, *сабур* и др.), но поскольку рецензенты не могут при помощи объективных критериев доказать малую употребительность этих слов в русском языке,

² «Русско-испанский словарь», стр. 5.

³ См. В. П. Берков. Некоторые общие принципы отбора слов для большого двуязычного словаря. «Slavica Slovaca», 1971, № 3, стр. 245—247.

они вынуждены ограничиться лишь выражением своего сомнения. Вообще следует признать, что отбор специальной лексики — одна из наиболее уязвимых сторон словников всех словарей, что многократно отмечалось в лексикографической литературе. Никакие из предлагавшихся критерии употребительности специального термина (представленность его в учебниках для средней школы, в многотиражных журналах и т. п.) не могут быть признаны — каждый в отдельности — универсальными⁴. Сказанное относится в полной мере и к устаревшим словам, с той только разницей, что для них существенным критерием является встречаемость в текстах, являющихся обязательным национальным чтением (прежде всего в школе).

В нашей лексикографии, как в лексикографии многих стран, сложились неправильные традиции в отношении собственных имен (исключение представляют географические названия, более или менее полно отраженные словарями⁵). Так, при помощи русско-иноязычных словарей, изданных у нас, читатель не может узнать, как произносится имя того или иного исторического лица (*Наполеон, Атилла, Колумб*) или деятеля науки, культуры, искусства (*Ньютон, Сократ, Толстой*) и т. п. То же можно сказать и о метафорических названиях типа *Вечный город, Страна восходящего солнца, железный канцлер, король-солнце* и т. д.

Что касается собственных имен, РИС следует в основном сложившимся лексикографическим традициям. В словарь широко включены античные мифологические имена (*Зевс, Юпитер, Аполлон, Гера, Артемида, Гепест* и др.), но отсутствуют имена *Иисус* (статья *Христос* есть, но, видимо, только из-за идиоматики типа *Христа ради*), *Магомет, Будда, Иегова, Люцифер* и др.

В отношении экзотизмов двуязычные словари в первую очередь должны включать в себя такие, которые существенны для общения двух данных народов, т. е. «внутренние

⁴ Там же, стр. 247—248. В статье излагается возможный путь решения проблемы.

⁵ Зато названия зданий, улиц, площадей и музеев и т. п., весьма важные для межъязыкового общения, обычно в словари не включаются. Между тем многие такие названия имеют большую частоту и в прямом и, в особенности, в метонимическом употреблении, ср. отсутствующие в РИС названия *Зимний дворец, Эрмитаж, Елисейские поля* (в обоих значениях), *Уолл-стрит, Пентагон* (но в РИС есть слово *пентаэдр*), *Белый дом* и т. д.

экзотизмы»⁶. Естественно, что для русско-испанского общения слова *дон, донья, дуэнья, алькальд, пикадор, бандерилья, геррилья, пончо* и подобные гораздо важнее, чем для общения, например, русских и датчан, и включение их в РИС полностью оправдано. Однако и в этой области РИС не вполне последователен: нет статей *коррида, патио, сиеста, реконкиста, гаучо* и некоторых других. Вместе с тем, можно усомниться в целесообразности помещения в РИС таких «внешних экзотизмов» как *тора, гурия, эль* и подобных.

Каждый человек, работающий с переводным словарем, должен обладать некоторыми познаниями в области грамматики другого языка. Фактически уровень этих предварительных знаний определяется составителем словаря. Так, например, если мы не включаем в испанско-русский словарь статью *puedo* мы предполагаем, что читатель достаточно знает об испанском глаголе для того, чтобы привести эту форму к «словарному виду» — *poder*. Напротив, включая в словарь статью *puedo*, мы исходим из незнания читателем словаря возможности перехода *o > ue* у испанского глагола (как в словах *rogar, dormir, soleg* и др.). С этой точки зрения для испаноязычного читателя РИС искусственно несколько завышен «образовательный ценз». Например, не даны отдельными статьями презентные и императивные формы таких нетиповых русских глаголов как *быть, лить, мыть, жечь, есть* и многих других. Поддачи типа *жечь 8bΔ (1 ед. жгу)* не спасают положения: встретив в тексте формы *жги, жжет* или *жгет*, читатель должен сначала суметь найти в словаре инфинитив. При этом Х. Ногейра и Г. Я. Туровер не вполне последовательны в своих требованиях к знаниям читателя: так, они приводят отдельными статьями нетипичные формы сравнительной степени одних прилагательных (*моложе, выше, ниже*), но не приводят аналогичных форм других прилагательных (*уже, короче, слаще*); не даны отдельными статьями падежные формы личных местоимений, например: *мне, меня, тебе, тобою, нас* и т. д.

Многими лексикографами отмечалось, что установка двуязычного словаря на нормативность едва ли целесообразна⁷: двуязычный словарь должен давать читателю

⁶ В. П. Берков. Вопросы двуязычной лексикографии. Автореф. докт. дисс. Л., 1971, стр. 12—13.

⁷ Ср., например, И. А. Бодуэн де Куртене. Замечания о русско-польском словаре. «Лексикографический сборник», вып. 6, М.,

информацию о всех достаточно широко употребительных словах, предупреждая его, конечно, об их сфере применения. В этом отношении РИС выгодно отличается от многих изданных у нас словарей, и можно лишь пожалеть, что авторы не сочли нужным или не смогли включить в словарь наиболее употребительные вульгаризмы.

Переходим к рассмотрению вопросов, связанных со словарной статьей.

Первый из них — вопрос о фонетической характеристике слова. Испанская орфография такова, что не имеет «немотивированных» написаний: знание правил чтения обеспечивает безошибочное прочтение любого испанского слова. Несколько иначе обстоит дело с русским языком, хотя и здесь исключений из основных правил чтения немного. Составители РИС ограничились, в соответствии с нашими лексикографическими традициями, лишь обозначением ударения в русских словах, не давая нигде транскрипции. По нашему мнению, однако, транскрипция при вокабулах вроде *его, что, солнце, конечно, лестница* и подобных была бы оправдана интересами испаноязычного читателя. Кроме того, она бесспорно необходима при иностранных словах, где согласные не палатализируются перед *e*, т. е. в случаях типа *тенденция, фонетика, дезинформация, астероид* и т. п.

Грамматическая паспортизация русских слов выполнена в РИС превосходно. Насколько нам известно, впервые в отечественной лексикографии все русские вокабулы снабжены надстрочными индексами, отсылающими читателя к соответствующим морфологическим таблицам русского языка, очень удачно составленным А. Зализняком. Испаноязычный читатель получил, таким образом, информацию о любом элементе парадигмы любого русского слова, включенного в качестве отдельной статьи в РИС.

Сложнейшим вопросом двуязычной лексикографии является проблема словосочетаний. Переводные словари, являющиеся прежде всего словарями слов, а не словосочетаний, возможны и целесообразны потому, что слова обоих языков, находящиеся в эквивалентных отношениях, большей ча-

1963, стр. 143; Л. О р с а г. Некоторые проблемы составления словаря венгерского языка. «Лексикографический сборник», вып. 5, 1962, стр. 136; М. R. Н а а s. What belongs in a bilingual dictionary—«International Journal of American Linguistics», 1962, No. 2, p. 4 («Problems in Lexicography»), p. 50; В. Е v а n s. But what's a dictionary for? — «Language, Form and Idea», N. Y., San Francisco, Toronto (s)a, p. 180.

стью могут вступать в одинаковые комбинации по грамматическим правилам этих языков. На уровне словосочетаний двуязычные словари, в основном дифференциальные словари, фиксируют по преимуществу не-поэлементные переводы. Поэтому примеры, поэлементно переводимые, мало информативны, кроме случаев, когда они призваны иллюстрировать то или иное значение, уточнить неизбежно краткое в словаре положение и т. д. С этой точки зрения, РИС составлен рационально, хотя и в нем можно найти некоторое количество словосочетаний, не вносящих нового по сравнению с переводным эквивалентом: *кооперативная торговля* — comercio cooperativo; *копать землю* — cavar la tierra; *конькобежные состязания* — competiciones de patinaje; *музыкальное сопровождение* — acompañamiento musical; *социалистическое государство* — estado socialista; *социальные науки* — ciencias sociales и др.

Недостаточное внимание уделено составителями РИС крылатым выражениям (например, отсутствуют такие употребительные из них, как *гвардия умирает, но не сдается*; *дары данайцев*; *искусство для искусства* и др.). Впрочем, известное количество крылатых выражений в РИС включено (ср.: *есть еще порох в пороховницах*, *зелен виноград*, *золотая молодежь* и др.).

В числе трудностей, связанных с поисками равнозначных соответствий, авторы правильно отмечают «географическую разбросанность испанского языка». Учет «географической разбросанности» необходим как в интересах русского переводчика, обращающегося к испаноязычному читателю европейского или латиноамериканского ареала, так и испаноязычного читателя, испанца или латиноамериканца, переводящего с русского языка на испанский.

Вариативность испанской лексики различается по характеру распространения: паниспанизмы, иберизмы, американизмы. Последние могут быть разделены на панамериканизмы и лексику зонального⁸, национального и регионального (провинциального) распространения. Авторы правильно отказываются от введения регионализмов и включают в словарь «только такие варианты слов, бытующих в Латинской Америке, которые покрывают собой весь континент, либо являются общими для определенной зоны (Южная Америка, Центральная Америка) или, по крайней

⁸ Зону составляют несколько стран: Южная Америка, Центральная Америка, Риоплатская зона и т. п.

мере, для двух-трех стран» (Предисловие). Однако при реализации этой правильной программы составители не избежали некоторых упущений и неточностей.

В числе панамериканских эквивалентов должны были бы обязательно фигурировать, по крайней мере, следующие: *aruparse спешить*, *elevador лифт*, *amagar связывать*, *coşipar варить*, *flaco тонкий*, *exhañar недосчитаться*, *despacio (говорит) тихо*, *pasto трава*, *chicote, fuate кнут*, *pararse встать*, *liviano легкий*, *candela огонь*, *cuadra блок домов*, *lechar доить*, *flojo ленивый*, *departamento квартира*, *bolsa мешок* вообще (а не только кожаный мешок как указывается в словаре), *repa стыд*, *monte лес*.

В некоторых случаях ареал распространения американизмов обозначен неточно. Так, слово *flete верховая (скаковая, беговая) лошадь* кроме Аргентины распространено в Уругвае, Боливии и Колумбии, *gabinete* в значении *веранда* употребляется не во всей Латинской Америке, а преимущественно в Колумбии, *alioñar галдеть* также не принадлежит к панамериканизмам, а употребляется только в Чили.

При введении американских эквивалентов следовало бы учитывать их стилистическую маркировку. Так, например, в статье *голод* даются американизмы *filo* (Гватемала, Гондурас, Мексика) и *hombruna* (Латинская Америка). Второй американизм имеет вульгарный оттенок, сходный со стилистическим значением русского 'голодуха'. Ср. также в статье *горб* — *maleta*, которое должно быть отмечено как шутовское (букв. *чемодан*).

Заклячая краткую рецензию, хочется еще раз подчеркнуть, что «Русско-испанский словарь», составленный Г. Я. Туровером и Х. Ногейрой, несмотря на отдельные недостатки принадлежит к числу лучших образцов отечественной двуязычной лексикографии.

Ив. Васева-Кадынкова
(София)

«МАСТЕР И МАРГАРИТА» В БОЛГАРСКОМ ПЕРЕВОДЕ¹

«Мастер и Маргарита» — очень своеобразное произведение, в котором талантливый советский писатель М. Булгаков изображает борьбу добра и зла в различных формах

¹ М. Бу л г а к о в. Майсторът и Маргарита. Пер. Лиляна Минкова. София, 1968.

и областях. Сложный философский замысел произведения приводит к сложности его стиля, к переплетению и взаимодействию в нем трех планов: сатирического, философско-исторического и лирического. В остро злободневном описании Москвы тридцатых годов здесь широко применена выдумка: главы, описывающие «подвиги» воландовых слуг, представляют собой настоящий гротеск и своей богатой фантастикой напоминают сказки Гофмана. Совсем в другом стиле написаны страницы, посвященные Понтию Пилату и Иешуа: здесь основная тема приобретает философскую глубину, а изображение становится исключительно динамичным.

Трудно найти произведение, которое бы ставило перед переводчиком так много задач и такие высокие требования, как «Мастер и Маргарита». Прежде всего, переводчик должен уметь перенастраиваться, менять тональности: от углубленно-философского или лирического тона переходить к игриво-разговорному, чтобы перевоплотить как библейскую атмосферу в сценах между Понтием Пилатом и Иешуа, так и лиризм поэтической любви Мастера и Маргариты и — сразу после этого — зазвучать злым гротеском в описаниях Москвы тех дней, когда в ней «гастролирует» Сатана.

Со всеми трудностями болгарская переводчица справилась весьма удачно. В своей работе она проявила высокую литературную культуру и солидное знание русского языка, чувство юмора и чувство стиля. Она умеет читать оригинал, глубоко вникая в него, воспроизводить его разговорные интонации, живость диалога и своеобразное скрещивание авторской и несобственно-прямой речи.

Безукоризненно передан диалог, насыщенный разговорными и просторечными словами и конструкциями. (Ср.: «целое дело сшили» — «цяло дело са скалъпили» (57, 88)²; «молоть всякую чушь» — «дрънкаш врели — некипели» (78, 124) и пр.) Притом, подыскивая соответствия просторечной лексике и фразеологии, переводчица проявляет большую находчивость. Так например, в зависимости от ситуации она переводит «не валяйте дурака» то «я не се занасяйте» (71, 111), то «не се прави на балама» (99, 159), то «върши щуротии» (118, 314). В одном месте «плел» переве-

² После каждого примера отмечаются страницы русского издания (журнал «Москва», 1966, № 11 и 1967, № 1) и болгарского перевода или же только страница перевода.

дено «лѣготеше го» (96, 154), в другом — «какви ги дрънка» (72, 12).

Л. Минкова отражает не только индивидуальную речь персонажей, но и разнообразные речевые стили в перевоплощениях одного и того же образа, например, Маргариты до и после превращения ее в ведьму.

Язык перевода очень богат. Исходя из контекста, переводчица привлекает широкий круг синонимов, чтобы выбрать самый подходящий функциональный эквивалент. Так, несмотря на то, что в болгарском языке существует слово *мѣчение*, говоря о душевных муках Маргариты, потерявшей своего любимого, Л. Минкова предпочитает употребить слово высокого стиля *терзания* (57, 209); «багровая физиономия» она удачно переводит экспрессивно-бытовым «червендалеста физиономия» (83, 132); разговорное «худо будет» — таким же разговорно-бытовым сочетанием «ще имя да патиш» (93, 150); «швырнул трубку» — «запокити слушалката» (47, 71), а «*швырнуть* (человека)» — «да *лашне* човека» (107, 293) и т. д.

Содержание всей седьмой главы подсказывает ей, что заголовок «*нехорошая* квартира» следует перевести «*подозрительният* апартамент», а дальше отрицательно-оценочное «*окаянная* квартира» адекватно передано выражением «*молепсаното* жилище» (50, 76).

Где это необходимо, Л. Минкова умеет оторваться от основного значения слова, чтобы передать его функционально-стилистическую окраску для воссоздания атмосферы повествования. В главах, посвященных Понтию Пилату и Иешуа, встречаются вполне оправданные элементы архаизации. Например, вопрос Понтия Пилата «Сознайся — ты великий *врач*?» звучит в переводе еще более приподнято: «Признай си — нали си велик *лечител*?» (19, 25), но это диктуется ситуацией — здесь обычное, нейтральное *лекар* звучало бы современно и, с другой стороны, в нем нет оценки, положительной экспрессии. «...Сопровождаемый толпою черни» сохраняет и в переводе налет высокого стиля («придружен от безродна тълпа» (20, 26).

Только в отдельных случаях стиль описания нарушается неподходящим словом. Например, описанию предпраздничного Ершалаима явно не подходит современное «паваж», надо было употребить более старинное, народное слово «плочници» (мостовая) (106, 291).

В рецензируемом переводе очень мало «лексических» ошибок и почти во всех таких случаях речь идет об общих

для русского и болгарского языков многозначных словах, имеющих в русском языке больше значений, чем в болгарском. Например, *соблазн* обозначает в русском языке не только 'искушение, нечто прельщающее, влекущее', как в болгарском, но и 'волнение, беспокойство, вызванное чем-либо недозволенным, предосудительным'³. Поэтому следовало бы перевести «к общему соблазну» не «за всеобща съблазън», а «за общо възмущение» (43, 65).

История превращения Николая Ивановича в борова в подлиннике проникнута юмором, что не нашло отражения в переводе из-за смешения двух омонимов (ср.: *пятачок*: 1) 'круглое рыльце у свиньи' и 2) уменьш. 'пятикопеечная монета'). Как только помазали его дьявольским кремом, «лицо почтенного нижнего жильца свело в пятак», т. е. он превратился в борова. В переводе выходит, что лицо его просто стало совсем маленьким («лицето ... се свило на петаче» (70, 231).

Как в любом переводе, здесь во многих местах можно найти и лучшее лексическое соответствие. Так, *скудно* и *скупо* обозначают не только «скъпернически», как они переведены, но и *слабо* (слабо освещена улица — 35, 51), *бледно* («бледно осветява» — 36, 53), *кратко* («отговори кратко» — 56, 86).

Один из слуг Воланда выступает в образе огромного черного кота, которого прогоняют междометием «брысь» (болг. «пс-с»), как прогоняют кошек. Замена этого специфического междометия словом «марш» нарушает метафору и значительно ослабляет впечатление (35, 50).

В присутствии Маргариты — дамы — невежливая реплика рыжего Азazelло прозвучала «развязно», т. е. «безцеремонно», а не «нахально» (60, 214).

В отдельных местах перевод несколько обедняет семантически произведение Булгакова. Например, «что с тем *тряслось*» не значит просто 'что с ним случилось' («какво му се е случило»), как переведено (75, 119), а одновременно намекает на неприятность.

Одной из слабых сторон рассматриваемого перевода является, однако, довольно чувствительное влияние языка подлинника, языка близкородственного, но все же отличающегося своими специфическими особенностями. Интер-

³ «Словарь современного русского литературного языка». М, АН СССР, 1968.

ференция, т. е. механический перенос в язык перевода особенностей языка оригинала, наблюдается, к сожалению, нередко в области лексики и грамматики. Остановимся на этих случаях подробнее.

«Бандити! — извика Иван и скочи от канапето, но *бе въдворен* отново върху него» — читаем в переводе (71). Правда, в болгарском языке есть глагол *въдворявам* (водворять), но он употребляется только в сочетаниях «*въдворявам тишина*» (ред.) и «*въдворявам на местожителство*». В русском языке этот глагол имеет и переносное значение 'поместить' (по отношению к неодушевленным предметам). Здесь М. Булгаков употребляет слово именно в этом его значении, чтобы подчеркнуть, что в психиатрической лечебнице к больному поэту относятся как к предмету. К сожалению, этот намек теряется в переводе.

В болгарском языке *здравейте* (здравствуйте) употребляется только как приветствие и никогда не имеет значения 'вот тебе на!', как в русском, для выражения неприятной неожиданности (52, 80).

Иногда, правда, в редких случаях, Л. Минкова переводит просто слова, не видя за ними функции. Например, репликой поэта Бездомного «Аннушка... Аннушка?.. — Позвольте, позвольте...» автор дает нам почувствовать сосредоточенность, напряжение, мучительное старание персонажа припомнить, объяснить себе все произошедшее и его первую догадку об истине. В подобной ситуации болгары говорят: «Но чакай, чакай!» (Подожди, подожди), а не как русские и как это дано в переводе (33, 48). Лаконичное «Виноват!» в этой же реплике сигнализирует новый момент — обоснование новых подробностей. Здесь контекст диктует употребление какого-либо восклицания типа «Ха!», выражающего внезапную догадку, несмотря на то что в словарях русского языка такое значение слова *виноват* не отмечено.

Ярким случаем интерференции является неоднократное употребление в одном предложении глаголов разных видов (*встал* и *одевался*) и перевод всех уменьшительных форм подлинника соответствующими болгарскими уменьшительными. Однако в русском языке уменьшительно-оценочные суффиксальные образования употребляются не только гораздо чаще, чем в болгарском, но и функции их разнообразнее. В ряде случаев значения уменьшительных форм не совпадают в обоих языках. Так, например, в сочетании «*серенькая летняя пара*» русское прилагательное обоз-

начает неполную степень качества (ср.: *сероватая* пара), а в болгарском языке уменьшительные формы от прилагательных — цветовых обозначений передают только эмоциональное отношение. Субстантивированное прилагательное *новенький* в русском языке почти потеряло свою эмоционально-экспрессивную функцию и только придает реплике разговорный оттенок. Поэтому употребление аналогичной формы в переводе совсем неуместно (83, 132).

Многие широко употребительные в русском языке уменьшительные существительные, такие как *шуточка*, *неделька*, *денек*, *ноченька*, не имеют соответствий в болгарском и звучат неестественно.

Известной слабостью рассматриваемого перевода являются подчас нежелательные изменения синтаксиса переводимого произведения. Сюда отнесем прежде всего два случая:

1) нарушение лаконичности подлинника. Например, рапортуя, говорят кратко: «Прошу суд и отставку». В переводе употреблено 8 слов: «Моля за съд и да ми приемете оставката» (110, 297). Даже в телеграммах в переводе отсутствует столь характерная лаконичность (67, 104), они звучат многословно.

2) ненужное соблюдение порядка слов оригинала, которое приводит иногда к затемнению смысла, поскольку при отсутствии падежей в болгарском языке только место в предложении определяет, какое слово — подлежащее и какое — дополнение.

Перечисленные слабости, однако, не в состоянии умалять достоинства анализируемого перевода. Наоборот, Л.Минкова успешно справилась с многими трудностями подлинника и дала болгарским читателям адекватный, художественно верный перевод этого столь интересного и сложного как в плане содержания, так и в плане выражения произведения. Высокие требования, которые мы ей предъявляем, продиктованы большими возможностями переводчицы, умеющей учиться и совершенствовать свое мастерство.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Вопросы теории и истории перевода

В. Н. Комиссаров. О разделах переводоведения	3
С. М. Вайнштейн. Литература конкисты и перевод . . .	10

II. Вопросы художественного перевода

В. А. Дмитренко. Максимальность в переводе	22
--	----

III. Вопросы переводческой практики

Я. И. Рецкер. О переводческом эксперименте	31
И. М. Жилин. Использование синонимии и вариантности языковых единиц при переводе	40
М. И. Бродская. Сложные слова типа tooth-cutting в английской технической литературе и их русские структурные соответствия	53
Т. Г. Сеидова. Выбор эквивалентов семантически неполных атрибутивных словосочетаний при переводе с английского языка на русский	59

IV. Вопросы лексикографии

Д. И. Ермолович. Структурно-семантическая основа двуязычного словаря словосочетаний	67
---	----

V. Вопросы синхронного перевода

В. А. Голенков, Е. Н. Сладковская. Вехи смыслового анализа текста	77
С. А. Луканина. О механизме обработки синтаксической информации при синхронном переводе	87

VI. Рецензии

В. П. Берков, Г. В. Степанов. Русско-испанский словарь .	92
Ив. Васева-Кадынкова. «Мастер и Маргарита» в болгарском переводе	98